

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Николай Добронравин

Непризнанные государства
в «серой зоне»
мировой политики:
основы выживания
и правила суверенизации

Препринт М-21/11

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2011

УДК 325.8
ББК 66.5
Д56

Добронравин Н.А.

Д56 Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации / Николай Добронравин : Препринт М-21/11. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 56 с. — (Серия прerinтов; М-21/11; Центр исследований модернизации).

В работе рассматриваются проблемы политических образований, известных как непризнанные государства, их место в современном мире и перспективы развития. Само существование «мест, которых не существует» в XX и начале XXI в. противоречит традиционному представлению о мире, состоящем из суверенных государств. По мнению автора, непризнанные государства – не аномалия, а один из обязательных компонентов «серой зоны» мировой политики, пространства между суверенными государствами и негосударственными политическими образованиями. К непризнанным государствам примыкают, с одной стороны, несостоявшиеся государства, а с другой – псевдосубнациональные образования.

Автор рассматривает несколько исторических периодов, которые были особенно благоприятными для формирования непризнанных государств, – период Второй мировой войны, относительно длительную эпоху деколонизации при поддержке ООН, период борьбы за советское и югославское наследство. Выделены особые случаи возникновения непризнанных государств и их суверенизации (Монголия, Бангладеш, Восточный Тимор). Опираясь на исторический опыт непризнанных государств, автор предлагает три базовых правила их трансформации в суверенные государства. В то же время предполагается, что «серая зона» в краткосрочной перспективе сохранится, возможно, с тенденцией к расширению по «европейско-малайской средневековой модели».

Информация об авторе: Николай Александрович Добронравин — д. филол. н., профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации ЕУСПб, африканист (sokoto95@yandex.ru).

Как изучать непризнанные государства?

Первая проблема, которая возникает при изучении непризнанных государств, может быть описана как проблема «исчезающего объекта». Неудивительно, что их сопоставляют с черными дырами во Вселенной или называют «местами, которых не существует».¹ И все-таки они существуют.

Активное существование подобных образований и даже факт их провозглашения влияют на развитие других государств, на международные (межгосударственные) отношения и мировую политическую систему.

Непризнанные государства чаще всего изучались в контексте анализа этнополитических конфликтов. В то же время в последние годы относительная устойчивость непризнанных государств, постоянно присутствующих на мировой арене, порождает необходимость новых оценок. Военные конфликты заканчиваются или переходят в замороженное состояние, но непризнанные государства не исчезают, а значит, их следует изучать не только в связи с конфликтами.

Другой подход к непризнанным государствам лежит в плоскости международного права. В этом случае большое внимание уделяется проблемам признания исходя из декларативной или конститутивной теории. С точки зрения той или иной теории и практики международного права рассматриваются случаи, когда непризнанное государство пользуется теми же правами и обязанностями, что и государство, получившее международное признание, например, когда оно также именуется «иностранным государством».² В то же время отмечается, что непризнанные государства могут быть лишены

¹ Para-States, Quasi-States, and Black Spots: Perhaps Not States, But Not «Ungoverned Territories,» Either / Ed. by B.H. Stanislawski // *International Studies Review*. June 2008. Vol. 10, N 2. P. 366–396; Holidays in the Danger Zone: Places That Don't Exist (фильм BBC 4, 2005, 5 частей: **Сомалиленд, Приднестровье, Тайвань, Южная Осетия** и Абхазия, Нагорный Карабах); *Waters C.* Law in Places That Don't Exist // *Denver Journal of International Law and Policy*. 2006. Vol. 34. P. 401–423.

² См., например: *Turns D.*, *International Decisions*; *Caglar v. H.M.*, *Inspector of Taxes*. British tax decision on status of Turkish republic of Northern Cyprus and its Turkish Cypriot employees in the UK // *American Journal of International Law*. April 1998. Vol. 92, N 2. P. 305–309.

права участия в международных конференциях, а их правовые акты могут быть признаны недействительными в суде.³

В последние годы и для ученых, и для политиков представляют интерес, в частности, пределы и потенциал включения непризнанных государств в мировой порядок (конференция под эгидой Организации непреставленных наций и народов «**Opening the World Order to De Facto States — Limits and Potentialities for De Facto States in the International Order**», Брюссель, май 2008 г.), их место в международной системе (семинар «**Making Sense of Unrecognized States in the International System**», университет Ланкастера, июль 2009 г.). В феврале 2010 г. в парижском Sciences Po на коллоквиуме (**Self Proclaimed and de facto States: Political Economy and Relations with Tutor Powers**) рассматривались проблемы политической экономии самопровозглашенных государств, отношения таких государств с государствами-покровителями (*tutor states/tutor powers*). Круглый стол, посвященный проблемам непризнанных государств и их международного признания, был проведен в 2009 г. в Центре международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.⁴

«Непризнанные», «самопровозглашенные» и другие «квазигосударства»: проблемы терминологии

Преобладающее в российской литературе определение подобных политических образований («непризнанные государства», в противоположность государствам, получившим международное признание) хорошо показывает, что их специфика с большим трудом поддается описанию.⁵

Некоторые российские и пишущие по-русски зарубежные ученые (политологи, историки, юристы, географы) и политики рассматривают постсоветские Нагорный Карабах, Приднестровье, Южную Осетию и Абхазию, а также

³ *Erasmus G.* Criteria for determining statehood: John Dugard's Recognition and the United Nations // *South African Journal on Human Rights.* 1988. Vol. 4, N 2. P. 207–220.

⁴ *Ашавский Б.М., Ананьева Е.В.* Проблема признания государств // *Международная жизнь.* Ноябрь 2009. № 11. С. 43–68.

⁵ См., например: *Научные тетради Института Восточной Европы.* Вып. 1. Непризнанные государства / Под ред. А.Л. Погорельского. М.: Территория будущего, 2006; *Непризнанные государства Южного Кавказа (сборник статей) // Ученые записки Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.* Вып. 2. 2008. М. (<http://new.runivers.ru/bookreader/book10445/>); *Чемурзиева З.И.* Институционально-правовые технологии легитимации непризнанных государств на постсоветском политическом пространстве: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону: Рост. юрид. ин-т МВД РФ, 2007.

Сомалиленд, Тайвань, Косово и другие подобные образования как «квазигосударства/квазигосударственные образования» или «самопровозглашенные государства/территории».⁶ Термин «квазигосударство» иногда применяется и к республикам в составе Российской Федерации, например к Дагестану.⁷

Выбор терминов, как правило, зависит от политических взглядов автора или официальной позиции государства, которое поддерживает или заказывает исследования. Объективный подход в позитивистском духе здесь маловероятен. Например, по мнению А.Г. Большакова, «непризнанным может быть названо государственное образование, лишенное международной правосубъектности, но обладающее всеми другими признаками государственности. Понятие “непризнанное государство” является более точным при обозначении реальных феноменов региона европейской периферии, чем широко употребляемые термины: “непризнанные территории”, “самопровозглашенные государства”, “самопровозглашенные республики”. Последние имеют скорее эмоциональное наполнение и указывают на один из существенных признаков государства: территорию, непризнанность, самопровозглашение».⁸

В российских работах, посвященных Республике Абхазия и Республике Южная Осетия, до 2008 г. также обычно использовался термин «непризнанные государства». Затем, когда Российская Федерация признала независимость обеих республик, по отношению к ним стало применяться определение «частично признанные государства».⁹ В некоторых работах Абхазия и Южная Осетия по-прежнему именовались непризнанными государствами либо приравнивались к суверенным государствам. Такой плюрализм подходов отражал реальную ситуацию, когда признание этих республик Россией не повлекло за собой аналогичных шагов со стороны абсолютного большин-

⁶ Бердегулова Л.А. Квазигосударства на постсоветском пространстве. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2008; Богатуров А.Д., Фененко А.В. Глобальный конфликтогенный потенциал в современных международных условиях (потенциальные вызовы глобальной стабильности) // Безопасность Евразии. 2006. № 4. С. 313–322 («Фактически независимые непризнанные квазигосударства»); Дуга нестабильности в Средиземноморско-каспийском регионе: самопровозглашенные территории между Россией и Европой. М.: Институт Европы РАН: Издательство «ОГНИ», 2004.

⁷ Право на самоопределение и будущий миропорядок: беседа с Сергеем Ковалевым // Неприкосновенный запас. 2003. № 2. С. 89–95 (<http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/koval.html>).

⁸ Большаков А.Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. 2007. № 3. С. 83.

⁹ См., например: Катунин Д.А. Государственный и официальный язык в конституциях стран бывшего СССР // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 4. С. 20.

ства суверенных акторов мировой политики. Интересно отметить, что такой же плюрализм сохраняется до сих пор и в начертаниях границ Грузии, Абхазии и Южной Осетии в российской картографической продукции.

Среди других определений в работах российских ученых предлагаются, например, «территории с проблемным/альтернативным/блокирующим суверенитетом», «государства de facto», «виртуальные государства», наконец, «субъект международно-правового отношения, субъект международной связи, субъект международного сообщества или нечто в этом роде».¹⁰

В зарубежной, в основном англоязычной, литературе представлены еще более разнообразные определения, нередко заимствуемые российскими учеными и политиками. Термин «непризнанные государства» (unrecognized states), вероятно, является предпочтительным в исследованиях по международному праву.¹¹ Определение «непризнанные государства» используют в своих работах Кимитака Мацузато и Нина Касперсен (один из редакторов недавно опубликованной книги «Непризнанные государства в международной системе»)¹² В описании проекта Н. Касперсен, посвященного непризнанным государствам («The Politics of Unrecognised States: Democratisation, Self-Determination and Contested Identities»), дано следующее определение таких «аномалий»: «Непризнанные государства — это места, которых не существует в международных отношениях; они достигли независимости де-факто — часто военным путем, — но не смогли добиться международного признания, либо их признают лишь несколько государств. Они настаивают на своем праве на самоопределение, но сталкиваются с более сильным принципом территориальной целостности».¹³

¹⁰ См.: *Николаев Д.Г.* Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 28; *Ашавский Б.М., Ананьева Е.В.* Указ. соч. С. 64, 67.

¹¹ См., например: *Lauterpacht H.* Recognition in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1947; *Grossman A.* Nationality and the Unrecognised State // The International and Comparative Law Quarterly. 2001. Vol. 50, N 4. P. 849–876; *Hsieh P.L.* An Unrecognized State in Foreign and International Courts: The Case of the Republic of China on Taiwan // Michigan Journal of International Law. 2007. Vol. 28, N 4. P. 765–814 (<http://students.law.umich.edu/mjil/article-pdfs/v28n4-hsieh.pdf>).

¹² *Мацузато К.* Патронное президентство и политика в сфере идентичности в непризнанной Абхазии // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 132–159; *Matsuzato K.* From Belligerent to Multi-ethnic Democracy: Domestic Politics in Unrecognized States after the Ceasefires // Eurasian Review. 2009. Vol. 1. P. 101–106 (http://www.evrazia.or.kr/review/06_Matsuzato.pdf); Unrecognized States in the International System / Ed. by N. Caspersen, G. Stansfield. London: Routledge, 2010.

¹³ The Politics of De Facto/Unrecognised States. Research Statement for the Politics of De Facto/Unrecognised States (http://www.lancs.ac.uk/fass/projects/unrecognised-states/unrecognised_state.php).

В описании проекта по отношению к непризнанным государствам использовались также выражения «государствоподобные образования» (state-like entities), «государства без суверенитета», «виртуальные государства» (включая Косово до его признания большинством стран ЕС) и трудно переводимое «statelets» (примерно «государствишки», ср.: kinglet «царёк»). Те же определения встречаются и в работах других авторов.¹⁴

Как полагает Нина Касперсен, при более детальном анализе непризнанные государства должны отвечать следующим критериям:

«Они достигли независимости де-факто, включая контроль над территорией, и сумели поддерживать ее как минимум в течение двух лет.

Они не добились международного признания, либо их признали максимум несколько государств.

Они продемонстрировали стремление к полной (де-юре) независимости либо посредством формального провозглашения независимости, либо через референдум по вопросу о независимости.

Это отличает их от других аномалий в международной системе, таких как неуправляемые территории и государства-в-государстве (ungoverned territories and states-within-states).¹⁵

Реже в литературе встречается также определение «самопровозглашенное государство» (**self-proclaimed state**), **используемое и в российских работах**. На первый взгляд такая характеристика политического образования может показаться странной. Как правило, новые независимые государства объявляли о своей самостоятельности без посредников. Однако по существу дела речь идет о тех государствах, которые объявили себя независимыми без согласования с «материнским» государством.

Для некоторых политиков и ученых-политологов, и прежде всего представляющих или поддерживающих страны, на чьей территории были провозглашены непризнанные государства, более характерно использование определений, подчеркивающих незаконный характер подобных образований. По отношению к ним используются определения «сепаратистские государства» (separatist/secessionist states), «отделившиеся государства» (breakaway states).¹⁶

Само стремление к созданию государства может отвергаться при помощи терминологии. В таких случаях вместо слова «государство» или «ре-

¹⁴ См., например: *van Meurs W. Frozen Conflicts. What Is to Become of the Virtual States? // Osteuropa. November 2007. Vol. 57, N 11. P. 111–120.*

¹⁵ *The Politics of De Facto/Unrecognised States. Research Statement for the Politics of De Facto/Unrecognised States (http://www.lancs.ac.uk/fass/projects/unrecognised-states/unrecognised_state.php).*

¹⁶ *Lynch D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts // International Affairs. October 2002. Vol. 78, N 4. P. 831–848.*

спублика» по отношению к отвергаемым политическим образованиям часто применяются такие слова, как «регион», «территория», «образование/субъект» (secessionist region, breakaway territory, separatist territory, illegal entity, self proclaimed entity и т.п.).¹⁷ Другой вариант характеристики непризнанных государств включает их описание как «искусственных государств» (artificial states) или «негосударственных образований» (non-state entities).¹⁸ При более радикальном подходе отрицается и связь непризнанного государства с территорией; в этом случае могут использоваться определения «режим» (separatist regime), «власти» (secessionist authorities) и т.п.

Неприятие государственного статуса (пусть и непризнанного) политических образований, именующих себя государствами, прямо или имплицитно основано на критериях легальности и легитимности, хотя эти критерии не упоминаются в Конвенции Монтевидео, на которую принято опираться для подтверждения государственного статуса современных политических образований. Как заметил А.Б. Мезяев, «анализ резолюций СБ ООН по известным прецедентам нелегальных и нелегитимных образований, претендовавших на звание государства, — Южная Родезия, бантустаны в ЮАР, Турецкая Республика Северного Кипра — показывает, что в резолюциях аккуратно избегали понятие “государство”: использовался термин “режим незаконной власти”. Аргумент не носит решающего характера, но говорит о том, что критерий легальности уже существует, а не является лишь желаемым».¹⁹

В качестве примера радикального «отрицающего» подхода можно привести работы Нику Попеску, в которых противопоставляются друг другу «сепаратистские режимы» (secessionist regimes) и «легитимные государства» (legitimate states), «сепаратистские образования» (secessionist entities) и «государства-метрополии» (metropolitan states). Вероятно, по аналогии с советским периодом, когда союзные и автономные республики существовали как субнациональные политические образования, Н. Попеску допускает использование выражения «самопровозглашенные республики» (self-proclaimed republics), но не «государства».²⁰

¹⁷ *Coppieters B.* Dimensions of Conflict Resolution. The EU and Georgia's Renegade Territories // Osteuropa. November 2007. Vol. 57, N 11. P. 67–81; см. также: *Быкова Е.* Проблемы взаимодействия в области борьбы с преступностью с непризнанными образованиями // *Мировой судья.* 2007. № 10. С. 10–11.

¹⁸ *Лажник В.Й., Корольова Л.Л.* Невизнані державні утворення як об'єкти сучасної політичної карти світу // *Географічні науки.* 2008. № 1. С. 202–211 (http://www.nbuu.gov.ua/portal/natural/Nvvnvnu/geograf/2008_1/3/Lawnik_Koroljova.pdf).

¹⁹ См.: *Ашавский Б.М., Ананьева Е.В.* Указ. соч. С. 57.

²⁰ *Popescu N.* Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia. Centre for European Policy Studies, 2007 (<http://www.ceps.eu/book/europes-unrecognised-neighbours-eu-abkhazia-and-south-ossetia>).

Среди перечисленных определений особенно интересно упоминание о «государствах-метрополиях». В контексте деколонизации метрополиям противопоставлены их владения (колонии, протектораты). Отделение от суверенных государств вне контекста деколонизации обычно рассматривается как аномалия. Однако если допустить, что, например, Грузия или Молдова — действительно метрополии, то непризнанные государства можно рассматривать и как зависимые территории, имеющие право на самоопределение. Теоретически такой подход дает им больше оснований претендовать на суверенитет по аналогии с уже получившими независимость или имеющими на нее право колониальными территориями (хотя вряд ли такое сравнение имел в виду сам Н. Попеску).

Прямо приравнивают такие политические образования к зависимым территориям, по-видимому, только эстонские политологи Эйки Берг и Рауль Тоомла: «более или менее суверенные, но формально зависимые территории, которые допускаются международным сообществом, даже если они не признаны юридически» («more or less sovereign yet formally dependent territories that are accepted by international society even if not legally recognized»); «суверенные, но зависимые территории» («sovereign yet dependent territories»).²¹ В отечественной литературе таким суверенно-зависимым образованиям почти не уделяется внимания, в отличие от фактически зависимых, но формально суверенных карликовых государств Европы. Среди малоизвестных у нас, но, безусловно, интересных примеров можно упомянуть Ниуэ и Острова Кука в Океании. В России они рассматриваются как зависимые территории Новой Зеландии. Китайская Народная Республика также признает зависимый статус этих территорий, но в то же время она установила с Ниуэ и Островами Кука дипломатические отношения.²² В деятельности международных организаций эти самоуправляющиеся территории, пока не ставшие членами ООН, участвуют наравне с суверенными государствами.

В работах европейских и американских авторов, претендующих на объективность и относительную отстраненность от конфликтов, связанных с непризнанными государствами, для их описания используются более нейтральные определения. Чаще всего — это плохо переводимое на русский язык название «de facto state» («государство, существующее де-факто», «фактическое государство»)²³ Скотт Пегг подробно рассматривает Эритрею

²¹ *Berg E., Toomla R. Forms of Normalisation in the Quest for De Facto Statehood // The International Spectator. 2009. Vol. 44, N 4. P. 29, 43.*

²² *China's Foreign Affairs, 2009. Beijing: World's Affairs Press, 2009. P. 137, 250–251.*

²³ См., например: *Pegg S. International Society and the De Facto State. Aldershot: Ashgate, 1998; De Facto States: The Quest for Sovereignty / Ed. by T. Bahcheli, B. Bartmann, and H. Srebrnik. London: Routledge, 2004.*

(до независимости) в сравнении с Тамил Иламом (до его фактической ликвидации военным путем) и Сомалиленд в сравнении с Турецкой Республикой Северного Кипра. По его мнению, «государство де-факто существует там, где есть организованное политическое руководство, которое пришло к власти до некоторой степени местными силами (through some degree of indigenous capacity), получает народную поддержку и достигло достаточной силы, чтобы обеспечивать услуги правительства данному населению на определенной территории, которую оно эффективно контролирует в течение значительного периода времени».²⁴ При таком подходе не имеет значения, получило ли данное образование признание со стороны какого-либо суверенного государства. Описание, которое предложил С. Пегг, не кажется удачным, поскольку его в принципе можно применить и ко многим признанным государствам.

Э. Берг и Р. Тоомла отмечают, что существуют разные уровни признания (т.е. и непризнания) таких политических образований: «...было бы неверно рассматривать все “фактические” государства как “международно непризнанные территории”, поскольку признание различается».²⁵ В российской литературе такое различие учитывается, когда говорится о непризнанных и частично признанных государствах.

Кроме названия «de facto state», в англоязычной литературе встречаются и другие определения, иногда представляющие исторический интерес, например «государства-в-государствах» (*states-within-states*), «зарождающиеся политические образования» (*incipient political entities*).²⁶ Что касается «зарождающихся» государств, то такое название заставляет вспомнить приказ М.В. Фрунзе перед штурмом Бухары и ликвидацией Бухарского эмирата: «Да здравствует нарождающаяся Бухарская Республика!».²⁷ Аналогия, вероятно, уместна, если учесть что в 1920–1924 гг. Бухарская Народная Советская Республика также существовала как «фактическое» государство под контролем Советской России.

И в отечественной, и в зарубежной литературе также используются термины «квазигосударство» (*quasi-state*) и «псевдогосударство» (*pseudo-state*). Квазигосударство понимается по-разному, в том числе и как синоним термина «непризнанное государство». Однако чаще квазигосударствами называют те суверенные государства, которые фактически полностью или

²⁴ Pegg S. Op. cit. P. 26.

²⁵ Berg E., Toomla R. Op. cit. P. 43.

²⁶ Kingston P., Spears I.S. *States-Within-States: Incipient Political Entities in the Post-Cold War Era*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2004.

²⁷ Цит. по: Генкина Э.Б. *Образование СССР: сборник документов 1917–1924*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 137.

в значительной степени утратили способность выполнять функции, присущие современному государству. Среди таких квазигосударств на рубеже XX–XXI вв. в литературе упоминались Сомали, оба Конго (бывший Заир, или Конго-Киншаса, и бывшая Народная Республика Конго, или Конго-Браззавиль), Афганистан, Ирак, Камбоджа, Босния и Герцеговина, Руанда, Либерия, Сьерра-Леоне, Зимбабве. К их числу некоторые исследователи относят также Восточный Тимор и Косово, хотя эти политические образования принципиально отличаются от других перечисленных выше государств. По сути дела, суверенное квазигосударство — это то же, что и несостоявшееся государство, или «государство-неудачник» (failed state). Довольно часто можно встретить утверждение о том, что большинство подобных государств находится в Африке. В действительности сегодня Сомали и, в меньшей степени, Демократическая Республика Конго по-прежнему могут рассматриваться как квазигосударства, но большинство африканских государств нельзя отнести к «государствам-неудачникам». Скорее некоторые из них следует рассматривать как «государства-хищники» (predatory states) по отношению к своим территориям, природным ресурсам и значительной или основной части населения.

Бесспорно, и Восточный Тимор, ставший суверенным государством и членом ООН после многолетней борьбы за изменение его статуса как непризнанного государства и за признание, и частично признанное Косово можно рассматривать вместе с Афганистаном или Камбоджей лишь в контексте изучения конфликтов и их разрешения.

Чтобы отличить признанное, но неэффективное суверенное государство от политических образований, не добившихся признания своего суверенитета, П. Колстё предлагает называть квазигосударствами только последние. Он использует довольно громоздкое выражение «непризнанные квазигосударства» (unrecognized quasi-states).²⁸ Такое определение представляется избыточным, поскольку непризнанные государства в принципе не могут исполнять все функции признанного суверенного государства. Скорее отсутствие международного признания превращает именно такие образования в истинные квазигосударства. Среди экзотических определений непризнанных государств можно встретить и фантастическое выражение «nonstate states», буквально «негосударственные государства».²⁹

К некоторым непризнанным государствам вполне применимо еще одно название — «эфмерные государства», которое используется для обозначения

²⁸ *Kolstø P.* The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // *Journal of Peace Research.* 2006. Vol. 43, N 6. P. 723–740.

²⁹ *King C.* Eurasia's Nonstate States // *East European Constitutional Review.* 2001. Vol. 10, N 4 (<http://www1.law.nyu.edu/eecr/vol10num4/features/king.html>).

ния государств, существовавших непродолжительное время. К таким государствам, по мнению Х. Герари, относятся Сомалиленд (5 дней, 26 июня — 1 июля 1960 г.), Федерация Мали (20 июня — 20 августа 1960 г., 2 месяца), независимый Занзибар (10 декабря 1963 г. — 26 апреля 1964 г., 4,5 месяца) и Республика Танганьика (9 декабря 1961 г. — 26 апреля 1964 г., 2,5 года) до образования Танзании, Объединенная Арабская Республика (1 февраля 1958 г. — 28 сентября 1961 г.).³⁰ Такие непризнанные государства, как Республика Южных Молуккских Островов, также лишь непродолжительное время контролировали «свою» территорию, а затем либо были ликвидированы, либо сохранились в форме парагосударств и режимов в изгнании.

Классификации непризнанных государств

Общепризнанной или широко распространенной классификации непризнанных государств сегодня не существует. В 2007 году к проблеме типологии таких образований подошел А.Г. Большаков, объединив возможности неoinституционального анализа и теории конфликтов. По его мнению, среди основных параметров исследования непризнанного государства «можно назвать:

- историю возникновения непризнанного государственного образования, описание этнического конфликта и основных этапов его развития;
- эффективность переговорного процесса, посредничества, планов мирного урегулирования;
- формирование государственности и хозяйственного комплекса непризнанных государственных образований;
- особенности политического устройства, степень его демократичности;
- наличие или отсутствие реальных возможностей для возвращения непризнанного государственного образования в состав государства, от которого оно отделилось;
- шансы для существования в качестве независимого государства;
- заинтересованность и возможность внешних сил изменить или законсервировать статус непризнанного государственного образования».³¹

По классификации А.Г. Большакова, ключевым критерием является контроль над территорией, что позволяет выделить четыре идеальных типа

³⁰ *Ghérari H.* Quelques observations sur les États éphémères // *Annuaire français de droit international.* 1994. Vol. 40. P. 419–432. (Le Ministère de la jeunesse, de l'éducation nationale et de la recherche. Direction de l'enseignement supérieur. Sous-direction des bibliothèques et de la documentation (<http://www.sup.adc.education.fr/bib/>)).

³¹ *Большаков А.Г.* Указ. соч. С. 85.

непризнанных государств: 1) с полным контролем своей территории (Вазиристан, Приднестровье, Сомалиленд, Северный Кипр); 2) с частичным контролем (Абхазия, Нагорный Карабах, Тамил Илам, Южная Осетия); 3) под протекторатом международного сообщества (Косово); 4) «квазигосударства (не получившие право на самоопределение этносы), контролирующиеся анклавов компактного расселения своей этнической группы» (Курдистан). При этом автор подчеркивает условность предложенных идеальных типов (на примере Южной Осетии, которую можно отнести и к четвертому типу). По его мнению, можно использовать и критерий признания суверенитета, различая собственно непризнанные и частично признанные государства, а также включая признак военной оккупации (Западная Сахара, Палестина).³²

В рамках американской программы картографирования глобальных угроз («Mapping Global Insecurity») была предложена более строгая классификация непризнанных государств и других территорий по степени контроля территории (есть/нет) и уровню признания (признанные/непризнанные). Наиболее опасные территории были определены как «черные пятна» (black spots). По определению Б. Станиславски, «черные пятна представляют территории, на которых и с которых действуют и транснациональная организованная преступность, и террористы, часто превращаясь в криминально-террористические образования («criminal-terrorist entities»)).³³ Другие потенциально опасные территории — это «как бы государства» («as if states»), «образования, которые признаны как государства международным сообществом и обладают внешними признаками государств, но по сути не имеют эффективного внутреннего контроля над территорией», а также «почти государства» («almost states»), «образования, которые не признаны как государства, но де-факто действуют как государства и имеют эффективный внутренний контроль над территорией».³⁴

Таким образом, в рамках одной классификации (явно практически ориентированной) объединены непризнанные и несостоявшиеся государства, а также криминальные/террористические «черные пятна», которые особенно интересуют исследователей (табл. 1).

³² Там же. С. 85–86.

³³ Para-States, Quasi-States, and Black Spots. P. 366.

³⁴ *Stanislavski B., Levitsky M.* Black Spots: Insecurity From Beyond the Horizon. Paper presented at the annual meeting of the ISA's 49th Annual Convention, «Bridging Multiple Divides», San Francisco, March 26, 2008 (http://www.allacademic.com/meta/p252812_index.html).

Таблица 1. Степень контроля территории и уровень признания государств

		International Recognition	
		Present	Absent
Predominant Territorial Control by Authorities	Present	States	Almost States
	Absent	As-if States	Black Spots

Почти необъятное разнообразие оснований для классификации непризнанных государств стремится охватить Д.Г. Николаев. Сначала он оценивает все случаи сепаратизма «по степени стремления к созданию независимого государства», в том числе 1) «случаи сепаратизма, напрямую не связанные со стремлением к сецессии или ирредентизму, но имеющие целью приобретение прав автономии»; 2) случаи «сепаратизма, при которых отделение конкретной территории от государства пока не происходит, однако острота конфликта с центральным правительством и степень политической обособленности достигают такого уровня, что провозглашение независимого государства становится не только возможным, но и весьма вероятным» (баски, Квебек, Киву в Демократической Республике Конго, Дарфур); 3) «случаи сепаратистских процессов, для которых характерно провозглашение независимости государства при отсутствии реальных органов власти, либо при их неспособности осуществлять контроль над территорией, либо при наличии других обстоятельств, препятствующих осуществлению ими внутренней политики» (Анжуан, Западное Папуа; мусульманские районы Филиппин; районы деятельности Курдской рабочей партии); 4) «собственно непризнанные государства — случаи сепаратизма, завершающиеся созданием независимого государства, органы управления которого обладают всей полнотой власти над территорией и населением, однако не имеют широкого международного признания».³⁵

Для непризнанных государств Д.Г. Николаев предлагает два основных варианта классификации: 1) «государства, не имеющие признания и частично признанные»; 2) «государства, образованные путем реализации права нации на самоопределение, образованные по другим основаниям и образованные на территории несостоявшихся государств».³⁶ Тайвань и государства, созданные на территории Сомали, автор относит к образованным «по другим основаниям» (в эту группу Д.Г. Николаев включает и такие образования, как Пунтленд, не претендовавшие на независимость от Сомали; с

³⁵ Николаев Д.Г. Указ. соч. С. 32.

³⁶ Там же. С. 33–36.

нашей точки зрения, это скорее псевдосубнациональные образования, чем непризнанные государства). Западная Сахара и Палестина представляют собой третий вариант: «...они создают особую группу непризнанных государств, полноценность которых в качестве равноправных участников международных отношений зависит не от государства-метрополии (Испания и Великобритания в свое время отказались от прав на данные территории), а от воли оккупировавших эти территории стран и от стремления других государств мирового сообщества разрешить сложившиеся противоречия или заставить снять оккупацию».³⁷

Политико-географическую классификацию типов т.н. зон распространения сецессионизма (ЗРС) предложил Ф.А. Попов.³⁸ Он выделил 10 типов (североамериканско-австралийский, карибско-атлантический, латиноамериканский, тихоокеанский, североафриканский, африканско-малайский, африканский тропический, западно-азиатский, южно-азиатский и индокитайский), к которым отнес 177 ЗРС, существовавших в 2001–2008 гг. во всех регионах мира, кроме постсоветского пространства. Согласно этому автору, ЗРС — это «территория, отделение которой является одной из первичных целей сецессионистского движения или побочным эффектом его противостояния властям» (как, например, по его мнению, это происходило в Северном Чаде в 1960–1990-х гг.).³⁹

В основу классификации Ф.А. Поповым были положены такие оценочные показатели, как «объединяющая сила» и «внешняя форма». Рассматривая «объединяющую силу», автор перечисляет традиционные (этническая принадлежность, вероисповедание, политическая ориентация, историческое самосознание, территориальная изолированность) и экономические (высокая ресурсообеспеченность («ресурсный фактор»), экономическая отсталость территории, сочетание двух этих свойств, экономическое доминирование территории, а также незначительное влияние экономических факторов) факторы. Как исключения он рассматривает «чисто пропагандистские проекты», т.н. индукенты, которые «возникли в качестве реакции на проекты сецессии иных территорий», и «государства-шутки» («обычно в рекламных целях»). С точки зрения внешней формы, согласно Ф.А. Попову, в роли ключевых признаков выступают «экспертно оцениваемые степень фактического контроля территории и общественная поддержка сецессионистских целей».

³⁷ Там же. С. 37.

³⁸ *Попов Ф.А.* Политико-географический подход к исследованию сецессионизма // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2009. № 1. С. 45–52.

³⁹ Там же. С. 47.

Общественная поддержка оценивается по шкале «отсутствующая, низкая, средняя, высокая», степень фактического контроля территории — как «низкая, средняя, высокая». Всего Ф.А. Попов выделяет 11 «комплексных типов внешней формы сепаратистских движений» (табл. 2).⁴⁰

Таблица 2. Комплексные типы ЗРС по внешней форме

Степень общественной поддержки сепаратистских целей	Степень фактического контроля над территорией		
	Низкая	Средняя	Высокая
Отсутствует	–	Слабый побочный	Фактический побочный
Низкая	Виртуальный	Слабый инструментальный	Фактический инструментальный
Средняя	Декларативный	Умеренный вооруженный	Аномальный
Высокая	Политически достижимый	Идеологический партизанский	Развитой

Данная классификация имеет, по крайней мере, два существенных недостатка. В ней не проводится различие между движениями, фактически охватившими ту или иную территорию, и непризнанными государствами. Кроме того, она кажется слишком зыбкой и неприменимой для количественной оценки специфики непризнанных государств.

Более удобную и конкретную классификацию предложили Э. Берг и Р. Тоомла. Используя предложенный ими «индекс нормализации» (*normalisation index*), эстонские ученые размещают непризнанные государства на шкале по уровню их открытости и интеграции в международное сообщество: «отрицание, бойкот, терпимость или квазипризнание» («*negation, boycott, toleration or quasi-recognition*»). По мнению исследователей, Тайвань и Косово находятся на уровне «квазипризнания», Северный Кипр — «терпимости», все остальные рассматриваемые случаи (Абхазия, Приднестровье, Сомалиленд, Нагорный Карабах) — на уровне «бойкота» и ни одно из рассматриваемых непризнанных государств не находится на уровне отрицания («*negated*»), с точки зрения международного сообщества.⁴¹

Непризнанные государства формируются по-разному, но все они одинаково сталкиваются с проблемой непризнания со стороны мирового сообщества или значительной части его членов. В этих условиях вполне закономерно стремление непризнанных государствах объединяться. На постсоветском пространстве самые устойчивые образования этого типа

⁴⁰ Попов Ф.А. Указ. соч. С. 47–48.

⁴¹ Berg E., Toomla R. Op. cit. P. 42.

создали военно-политический блок, известный под неофициальными названиями СНГ-2 («Содружество непризнанных государств») и НАТО-2, т.е. Нагорный Карабах, Абхазия, Транснистрия (Приднестровье) и (Южная) Осетия. Члены блока координируют деятельность во внешнеполитической и оборонной областях. Большинство встреч СНГ-2 на высшем уровне проводится в Москве.⁴²

В глобальном масштабе практически все непризнанные государства, которые стремятся в перспективе добиться международного признания, входят в Организацию непредставленных наций и народов (UNPO). Эта организация создавалась как своего рода клон ООН (ср.: СНГ и СНГ-2). Наибольшего расцвета она достигла в 1990-е гг., когда ее членами были многие национальные движения и регионы Российской Федерации. Все они, кроме непризнанной Ичкерии, покинули эту организацию к 2010 г. Сегодня Организация непредставленных наций и народов фактически может, как и СНГ-2, рассматриваться в первую очередь как форум, на котором обсуждаются проблемы непризнанных государств мира.

Непризнанные государства и «серая зона» мировой политики

Всю совокупность непризнанных государств можно определить в самом широком смысле как один из компонентов «серой зоны» между суверенными государствами и негосударственными акторами мировой политики.

К «серой зоне» мировой политики относятся и такие политические образования, которые не претендуют на государственный суверенитет, но фактически по своему поведению не отличаются от непризнанных государств. Подобные образования, как и некоторые непризнанные государства, нередко рассматриваются «своим» государством как субнациональные административные единицы. Отличие таких «псевдосубнациональных» регионов от непризнанных государств может быть сугубо тактическим. Некоторые субнациональные образования не претендуют на роль самостоятельных акторов мировой политики, но при этом декларируют свой государственный статус и суверенитет, фактически стремятся частично или полностью присвоить себе функции «центра».

К подобным «псевдосубнациональным» образованиям следует отнести отдельные регионы Российской Федерации. Среди них чаще всего упоми-

⁴² Об СНГ-2 см., например: *Маркедонов С.М.* СНГ-2. Непризнанные государства на постсоветском пространстве: к определению природы феномена // *Гуманитарная мысль Юга России. 2005.* № 1. С. 118–126; *Бердегулова Л.А.* К вопросу о юридическом статусе содружества непризнанных государств (СНГ-2) // *Юридические науки. 2007.* № 2. С. 184–187.

нается Чечня (после 2000 г.). Отказ от статуса непризнанного государства, безусловно, представлял этому региону как экономические, так и политические преимущества. Чечня была не единственным «псевдосубнациональным» субъектом федерации. Другие регионы нередко отличались от нее лишь тем, что их самостоятельность, в том числе и на международном уровне, санкционировалась федеральными властями. Например, Смешанная контрольная комиссия по урегулированию грузино-осетинского конфликта в 1992–2008 гг. включала представителей не только Российской Федерации, Грузии и Южной Осетии, но и Северной Осетии, никогда не провозглашавшей себя независимым государством.

Российская Федерация — не единственное и не самое «мягкое» государство, в состав которого входят «псевдосубнациональные» регионы. Пожалуй, лучший пример мягкой федерации в мире — это, безусловно, Босния и Герцеговина. Некоторые исследователи рассматривают составные части этой федерации, прежде всего сербское политическое образование (Республика Сербска), как непризнанные, или «фактические», государства.

«Выйти из тени» и провозгласить независимость перед лицом мирового сообщества означает лишиться экономических выгод и создать себе новые проблемы и риски в отношениях с «легитимным» (формально «своим») государством и с другими странами, особенно с соседями. Под этим углом зрения непризнанные государства можно описать как особо активных, безрассудно смелых или нетерпеливых акторов «серой зоны». Рискованность их поведения прекрасно осознается многими сторонниками независимости, и неудивительно, что некоторые попытки провозглашения новых государств не нашли поддержки у «своих» национально-освободительных движений.

«Серая зона» не закрыта и для суверенных государств. Современное государство не может исчезнуть быстро и бесследно, но всегда рискует превратиться в несостоявшееся государство. Главное различие между несостоявшимися и непризнанными государствами состоит в том, что первые вправе быть суверенными, но фактически утратили волю к жизни или к сохранению прежних границ, территории и населения («могут, но не хотят»), а вторые не добились международного признания, но приобрели собственную территорию, население и фактически сложившиеся границы, либо стремятся стать такими «собственниками» («хотят, но не могут»). Суверенное государство, сохранившее лишь символы прежнего существования, превращается в уже упоминавшееся выше квазигосударство, своего рода фантомное политическое образование (по аналогии с медициной). Реанимировать, возродить такое государство могут только чудо и память народа («Еще Польша не погибла, пока мы живы»).

«Серая зона», неопределенное состояние между суверенными государствами и негосударственными акторами мировой политики, по самой сути

не может иметь четко очерченных границ. В то же время, безусловно, ошибочен взгляд на такое состояние как на зону транзита, некое пространство перехода от негосударственного к государственному существованию или в противоположную сторону.

Большинство политических образований, по стечению обстоятельств оказавшихся в «серой зоне», не имеют шансов выбраться из нее «на свет» без колоссальных собственных усилий и (как правило) внешней помощи. Чтобы полностью ликвидировать непризнанное государство, также обычно требуются значительные усилия суверенного «владельца» данной территории и помощь извне.

Относительное положение непризнанных государств в «серой зоне» в принципе поддается измерению. С этой целью Э. Берг и Р. Тоомла используют уже упоминавшийся выше индекс нормализации.

В качестве основы для расчетов предлагается использовать следующие группы показателей.

Интеграция в международное сообщество

Признание

- 0 — нет
- 1 — признано только другими «фактическими» государствами
- 2 — признано менее чем 10 признанными государствами
- 3 — признано более чем 10 признанными государствами

Зарубежные представительства

- 0 — нет
- 1 — только зарубежные представительства «фактических» государств
- 2 — менее 10 представительств иностранных государств
- 3 — более 10 представительств иностранных государств

Вовлеченность международных организаций в конфликт

- 0 — нет
- 1 — региональные организации
- 2 — ООН

Членство в международных организациях

- 0 — нет
- 1 — статус наблюдателя в некоторых организациях
- 2 — полноправное членство в некоторых организациях

Внешний покровитель (External patron)

- 0 — нет покровителя
- 1 — существующий покровитель

Внешняя торговля

Внешнеторговый оборот на душу населения

- 0 — нет

- 1 — до \$2393 (½ от среднемирового)
- 2 — до \$4785 (среднемировой)
- 3 — свыше \$4875

Число внешнеэкономических партнеров

- 0 — нет
- 1 — один доминирующий партнер (one dominating partner)
- 2 — несколько партнеров

Коммуникации

Воздушное сообщение

- 0 — нет
- 1 — одна авиалиния и мало направлений или несколько авиалиний и одно направление
- 2 — несколько авиалиний и много направлений

Почтовое сообщение

- 0 — нет прямого почтового сообщения
- 1 — прямое почтовое сообщение

Пограничный режим (Border regulations)

- 0 — въезд ограничен
- 1 — общий визовый режим
- 2 — общий безвизовый режим

Телекоммуникации

- 0 — нет кода страны для телефонов и интернет-доменов
- 1 — отдельный код страны⁴³

До 25 % в индексе отводится на экономические переменные, до 30 % — на коммуникации. Каждое деление на шкале признания получает 2,5 балла (всего 10). Максимум возможных баллов — 22, для размещения на шкале показатель делится на 2,2.⁴⁴ В итоге положение «фактических государств» на шкале признания определяется следующим образом (в баллах):

- 0–2,5: «отрицание» (negation)
- 2,6–5: «бойкот» (boycott)
- 5,1–7,5: «терпимость» (toleration)
- 7,6–10: «квазипризнание» (quasi-recognition)⁴⁵

Э. Берг и Р. Тоомла отмечают: «К некоторому удивлению и несмотря на десятилетия экономического эмбарго, международное сообщество тер-

⁴³ Berg E., Toomla R. Op. cit. P. 32. Table 1. Variables making up the 'normalisation index'.

⁴⁴ Ibid. P. 30.

⁴⁵ Ibid. P. 32. Table 2. Relative positioning of de facto states on recognition scale.

пимее относится к Турецкой Республике Северного Кипра (6,4 балла), чем к Абхазии, которая получила большее международное признание (Россия, Никарагуа и Венесуэла), чем ТРСК (только Турция)».⁴⁶ В целом для рассматриваемых случаев были получены следующие результаты:

0–2,5: «отрицание» — нет

2,6–5: «бойкот» — Нагорный Карабах (2,7), Приднестровье и Сомалиленд (по 4,1), Абхазия (4,5)

5,1–7,5: «терпимость» — Турецкая Республика Северного Кипра (6,4)

7,6–10: «квазипризнание» (quasi-recognition) — Тайвань (8,6), Косово (8,2)

«Индекс нормализации», безусловно, можно модифицировать или подвергнуть критике. Например, не всегда можно точно определить государство-покровителя. Показатели внешней торговли могут быть недостоверными не только для непризнанных, но и для многих признанных государств.

Тем не менее интересен сам подход Э. Берга и Р. Тоомла, также основанный на сохранении статус-кво: «...вместо того, чтобы поощрять часто нелегитимные и во многих случаях нефункциональные варианты разделения власти («often illegitimate and in many cases dysfunctional powersharing options») или предлагать программу усиленного воссоединения — обычно достижимого военным путем, — здесь утверждается, что статус-кво может предполагать различные формы нормализации, даже когда юридическое признание не было предоставлено. Особенно когда политическая природа “игры в признание” (‘recognition game’) не оставляет места для развития выгодных структур (opportunity structures) и не позволяет “фактическим” государствам узаконить их практическую деятельность».⁴⁷ Статус-кво, не предполагающий обязательного признания, предлагает для вовлечения «сепаратистских государств» в мировой порядок и Дов Линч.⁴⁸

Взаимодействие между суверенными и непризнанными государствами предполагает обращение и тех и других к третьим странам — жизненно необходимым «старшим» союзникам и покровителям (отсюда известное определение некоторых непризнанных государств первой половины XX в. как «марионеточные»)⁴⁹ Поддержка третьей стороны (tutor state, patron state, ex-

⁴⁶ Ibid. P. 30–32.

⁴⁷ Ibid. P. 30.

⁴⁸ Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington: USIP Press, 2004.

⁴⁹ О «родственных» государствах-покровителях см., например: Caspersen N. 1) Belgrade, Pale, Knin: Kin-State Control over Rebellious Puppets? // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59, N 4. P. 621–641; 2) Between Puppets and Independent Actors: Kin-state

ternal patron/sponsor, kin-state) открывает для непризнанного государства два пути: либо борьбу за суверенитет и полноправное вхождение в мировое сообщество, либо ирредентизм — стремление присоединиться к государству-покровителю. Последнее осуществить легче, если государство-покровитель находится по соседству с данным непризнанным государством, и особенно заманчиво, если в соседней стране компактно расселены представители той же этнической группы. Ирредентизм непризнанного государства (Техас в период между отделением от Мексики и присоединением к США, Срединная Литва до присоединения к Польше) отличается от классической формы ирредентизма, когда движение за объединение не нуждается в собственных атрибутах государственности (в XX в. — венгры за пределами Трианонской Венгрии, судетские немцы накануне первого раздела Чехословакии, ирландцы-сторонники Ирландской Республиканской Армии в период конфликта в Северной Ирландии).

На особую роль государства-покровителя обращает внимание, в частности, Нику Попеску. Он описывает «аутсорсинг» функций государства (оборона, безопасность), характерный для непризнанных политических образований. Рассмотрев специфическую роль России в поддержании фактической государственности Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, он приходит к следующему выводу: «Таким образом, парадокс состоит в том, что в борьбе за независимость сепаратистские образования (*the secessionist entities*) быстро передают («are quickly 'outsourcing'») эту независимость другому государству».⁵⁰ В действительности без внешней поддержки шансы непризнанного государства на выход из «серой зоны» приближаются к нулю. Без помощи какого-либо суверенного государства «сепаратистское образование» может функционировать долгие годы, но не имеет перспектив трансформации в «законного» члена мирового сообщества. Одно государство-покровителя можно заменить на другое, но отказ от поддержки угрожает самому существованию непризнанных государств.

Таким образом, лишь на первый взгляд сочетание борьбы за независимость и «аутсорсинга» государственных полномочий может показаться парадоксальным. Первый компонент деятельности непризнанных государств отмечает и сам Н. Попеску: «...интересы сепаратистских образований, их

Involvement in the Conflicts in Bosnia, Croatia and Nagorno Karabakh // *Ethnopolitics*. 2008. Vol. 7, N 4. P. 357–372; 3) Playing the Recognition Game: External Actors and De Facto States // *International Spectator*. 2009. Vol. 44, N 4. P. 47–60.

⁵⁰ Popescu N. «Outsourcing» de facto statehood: Russia and the secessionist entities in Georgia and Moldova. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2006. P. 8 (CEPS Policy Brief 109, <http://www.policy.hu/npopescu/publications/06.07.20%20CEPS%20Policy%20Brief%20109%20Outsourcing%20de%20facto%20statehood%20109.pdf>).

внутриполитические схемы (domestic policy patterns) и стратегические цели могут отличаться от предпочтений России».⁵¹

По мнению Н. Попеску, проводимая российскими властями «политика усиления сепаратистских режимов и ослабления легитимных государств создает серьезные препятствия для разрешения конфликтов».⁵² Такая точка зрения действительно широко распространена, однако известны и другие мнения о роли государств-покровителей, в частности применительно к конфликтам на территории бывшей Югославии. Как считают Э. Берг и Р. Тоомла, которых трудно обвинить в пророссийской ангажированности, роль государства-покровителя может быть и несомненно положительной. Оценивая факторы, определяющие положение Косово, Тайваня, Северного Кипра, Абхазии, Приднестровья, Нагорного Карабаха и Сомалиленда на шкале признания, эстонские исследователи отмечают: «Наконец, но не в последнюю очередь, внешний покровитель может легко обеспечить больший доступ и помощь в отношениях с остальным миром».⁵³

По мнению Нины Касперсен, «образ марионеток преувеличен; внешние покровители часто играют решающую роль в создании и длительном выживании таких образований, но отношения не являются односторонними и подвержены значительным колебаниям и временами конфликтам... Вакуум, образуемый международной изоляцией, вероятно, будет заполнен внешним покровителем, таким как Россия в случае Абхазии и Южной Осетии».⁵⁴

Стоит заметить также, что непризнанное государство не связано с государством-покровителем отношениями вечной дружбы–зависимости, тем более если отсутствует этническая близость между их элитами и большинством населения. Так, например, в Абхазии и Южной Осетии в роли главного покровителя выступает Россия. В то же время, как выразился В.Н. Лихачев, заместитель председателя Комитета по международным делам Государственной Думы, «есть еще практика совершенно завуалированная — можно ее называть черной, серой зоной. В той же Абхазии самым активным образом сегодня работает Турция, помогает им и выживать, и становиться».⁵⁵

После активной фазы борьбы за советское и югославское наследство конфликты на границах непризнанных или частично признанных государств в основном перешли в область политической риторики. Такая риторика имеет крайне агрессивный характер, под девизом «Мы еще им покажем!» со

⁵¹ Ibid. P. 7.

⁵² Ibid. P. 8.

⁵³ Berg E., Toomla R. Op. cit. P. 42.

⁵⁴ The Politics of De Facto/Unrecognised States. Recommendations (http://www.lancs.ac.uk/fass/projects/unrecognised-states/unrecognised_state.php).

⁵⁵ Ашавский Б.М., Ананьева Е.В. Указ. соч. С. 67.

стороны пострадавших государств, реже — со стороны «сепаратистских образований», считающих себя победителями. В любом случае тезис «рост поддержки непризнанного государства со стороны государства-покровителя препятствует разрешению конфликта» представляется политически обусловленным. Можно предположить, что в действительности под разрешением конфликта понимается исключительно ликвидация «сепаратистского режима», как это произошло в Нигерии и на Шри-Ланке.

Зыбкое состояние между суверенными государствами и негосударственными акторами мировой политики можно изучать, только определив «вершины» (типы акторов), между которыми располагается «серая зона». Негосударственные акторы могут быть определены двумя основными способами — через противопоставление государству без конкретизации их общих черт или через систематизацию специфики подобных акторов. Первый способ относительно прост, и тогда негосударственный актор — любое «негосударство». Однако такой способ неприменим для исследования непризнанных государств. По внешним атрибутам и особенностям внутренней и внешней политики непризнанные государства не отличаются от суверенных аналогов и в любом случае стремятся копировать именно их, а не каких-либо негосударственных акторов.

Безусловно, более перспективно системное описание специфики акторов, бесспорно относимых к негосударственным, независимо от характера их отношений с каким-либо суверенным государством. Негосударственные акторы и в этом случае могут быть описаны через противопоставление государству, но уже с большей конкретизацией: они 1) не имеют суверенитета и не претендуют на него; 2) не подражают суверенным государствам в своей деятельности; 3) не имеют атрибутов суверенного государства и не стремятся их приобрести.

Определить, что представляет собой суверенное государство, оказывается значительно сложнее, независимо от подхода к его изучению. Неоспорима историческая изменчивость государства и суверенитета. Образования, которые в разные эпохи и в разных политических контекстах именуются государствами, настолько разнообразны, что у исследователей возникает желание исключить определение «государство» из научной терминологии, поскольку это своего рода «фетиш». В итоге, как заметил в своем описании непризнанных государств Й. Наваро-Яшин, «в недавней антропологической литературе о государстве становится обычной концептуализация сущности, устройства или существования 'государства' ('the state') в перевернутых кавычках».⁵⁶

⁵⁶ Navaro-Yashin Y. *Illegal Counterpoints: Subjecthood and Subjectivity in an Unrecognized State // Human Rights in Global Perspective: Anthropological Studies in Rights, Claims, and Entitlements*. London: Routledge, 2003. P. 71.

В то же время специфика современного суверенного государства относительно легко поддается формализации. К важнейшим формальным признакам суверенного государства относится, в частности, членство в глобальных международных организациях, прежде всего в Организации Объединенных Наций. Если политическое образование смогло стать членом ООН, это означает, что другие суверенные государства рассматривают его как равного (по крайней мере, по формальному статусу) актора мировой политики.

Напротив, членство в региональных или конфессиональных международных организациях говорит только о том, что данное государственное образование является частично признанным. Так, например, Сахарская Арабская Демократическая Республика стала членом Организации африканского единства, а затем и Африканского союза, Государство Палестина было принято в Лигу арабских государств и межгосударственную Организацию Исламская конференция. Признание в регионе или в рамках международной организации единоразовцев, безусловно, уже является важным шагом на пути к суверенизации.

В то же время непредставленность в региональных организациях означает, что непризнанное государство еще не является полноправным членом мирового сообщества. Например, Сахарская Арабская Демократическая Республика, несмотря на ее членство в Африканском союзе, не может войти в такие региональные организации, как Лига арабских государств и Союз арабского Магриба, поскольку Марокко, член этих организаций, не признает западно-сахарское государственное образование.

Косово, несмотря на его признание большинством стран Юго-Восточной Европы, также не может напрямую стать членом международных региональных организаций, прежде всего из-за негативной позиции Сербии как «родительского государства». В таких организациях, как Центрально-европейское соглашение о свободной торговле (CEFTA), от имени Косово до сих пор выступает Миссия ООН по делам временной администрации в Косово (UNMIK). **В 2011 году UNMIK, представляя Косово, будет председательствовать в CEFTA.**

Как отмечалось в докладе Генерального секретаря ООН за 2010 г. о миссии в Косово, «в течение отчетного периода МООНК продолжала оказывать содействие участию Косово в региональных и международных конференциях, хотя власти Косово были далеко не в восторге от того, что Миссия выступает в этой роли. После того как Международный Суд представил свое консультативное заключение, власти Косово активно выступают против такого содействия, считая, что оно ограничивает его “суверенитет”. Однако если такая политика будет продолжаться, она может привести к все большей изоляции Косово из-за его трудностей, связанных с его участием в региональном сотрудничестве, что непосредственно отразится на его социально-экономическом развитии.

В последние годы Приштина проявляет все больший интерес к активному участию в Центрально-европейском соглашении о свободной торговле (СЕФТА), однако отказ ряда участников СЕФТА признавать таможенные штампы Косово осложнил этот вопрос, несмотря на то, что оттиски этих штампов были направлены всем участникам СЕФТА в соответствии с его положениями, а МООНК неоднократно заверяла, что они соответствуют положениям резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности. Трудности в развитии торговли, обусловленные отказом ряда стран признать таможенные штампы, еще больше ограничивают и без того незначительные возможности в плане экспорта произведенных в Косово товаров». ⁵⁷

Типичная черта относительно благополучного частично признанного государства — его участие в деятельности международных организаций в качестве наблюдателя. Именно как страна-наблюдатель присутствует в ООН Палестина, а в Организации Исламская конференция — Турецкая Республика Северного Кипра. В то же время в роли наблюдателей могут выступать и суверенные государства, и политические образования, условно приравненные к суверенным государствам (например, Суверенный Мальтийский Орден в ООН), и движения (Фронт национального освобождения моро в Организации Исламская конференция). Непризнанное государство, даже добившееся членства в международных организациях, не может автоматически рассчитывать на признание со стороны всего мирового сообщества.

Экономика «мест, которых не существует»

Невозможно понять, как может существовать непризнанное государство, если опираться только на политические декларации его сторонников и противников. Казалось бы, очевидно, что непризнанное образование, как к нему ни относиться, имеет не только политику, но и экономику. Однако экономических исследований, посвященных непризнанным государствам, немного. Кроме того, как правило, такие работы часто страдают от чрезмерной политизации. Бесспорное исключение составляет лишь Тайвань. Его экономика обычно рассматривается без постоянных ссылок на отсутствие международного признания, возможно, потому, что до 1970-х гг. островное государственное образование сохраняло статус суверенного государства и к тому же члена Совета Безопасности ООН.

⁵⁷ Доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово. S/2010/562. 29 October 2010. С. 13–14 (<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/604/79/PDF/N1060479.pdf?OpenElement>).

Политизация экономических исследований позволяет называть непризнанные государства, такие, например, как Приднестровье, «патологическими государствами».⁵⁸ Предполагается, что такие образования существуют подобно паразитам за счет слабого суверенного государства. Безусловно, отсутствие международного признания помогает действовать в непризнанных государствах разного рода криминальным структурам, в том числе и международным. Контрабанда, особенно при зыбкости непризнанных границ, может кормить население и государственные структуры непризнанного политического образования и наносит ущерб соседним суверенным государствам. Военная угроза со стороны непризнанного государства также иногда фактически заставляет суверенного соседа платить дань за ненападение, что напоминает практику, бытовавшую на границах Византии или Британской Индии.

В то же время с утверждением о паразитировании непризнанного государства на слабом государстве — «законном владельце» данной территории не всегда можно согласиться. Выше уже упоминалась особая роль государств-покровителей в поддержании жизнеспособности непризнанных государств. «Аутсорсинг» функций непризнанного государства с их передачей государству-покровителю говорит о тенденции к существованию за счет такого опекуна. «Материнское» государство может нести убытки от затрат на борьбу с «сепаратистскими режимами», но далеко не всегда склонно напрямую их финансировать.

О полномасштабном паразитировании скорее можно говорить в тех случаях, когда провозглашение независимости откладывается, т.е. когда псевдосубнациональное образование претендует на «законное» финансирование из национального бюджета, на «дружескую» помощь из бюджета государства-покровителя и к тому же самостоятельно распоряжается своим квазинациональным бюджетом.

Неопределенность территории означает, что большинство непризнанных государств не может в полной мере ее контролировать и использовать. Население, живущее на неопределенной территории, тоже невозможно контролировать и, в частности, облагать налогами. В то же время даже непризнанные государства с зыбкими границами могут быть более сильными в этом плане, чем многие суверенные государства. Такие непризнанные государства могут действовать как эффективные парагосударства, т.е. успешно эксплуатировать территорию, и облагают «незаконными» налогами население, чередуясь с «законным», но слабым суверенным государством. Непризнанные политические образования, которые функционируют в относи-

⁵⁸ *Sherr J. Strengthening «Soft» Security: What is to be Done? Camberley: Defence Academy of the United Kingdom, Conflict Studies Research Centre. May 2003. P. 4 (<http://www.da.mod.uk/colleges/arag/document-listings/special/M31-JGS.pdf>).*

тельно стабильных границах, могут эффективно осваивать всю «полезную» территорию и природные ресурсы, оставляя вне контроля лишь некоторые зоны конфликтов, обычно приграничных.

Правда, достаточно распространено и скептическое отношение к эффективности непризнанных государств в целом. По мнению П. Колстё, для них типичны слабая экономика и слабые государственные структуры. Такие государства получают «внутреннюю поддержку от местного населения посредством пропаганды и строительства идентичности; направляют непропорционально большую часть своих скудных ресурсов на военную оборону; пользуются поддержкой сильного покровителя; и, в большинстве случаев, отделились от государства, которое само является очень слабым».⁵⁹

Вероятно, и в этом описании чрезмерная политизация приводит к смешению политических и экономических черт непризнанного государства. Милитаризация экономики, безусловно, не является характерной только для непризнанных государств. Что касается пропаганды и укрепления идентичности, то они типичны для многих суверенных государств, не говоря уже о крайних случаях вроде Ирана или Северной Кореи. Встречаются и более радикальные оценки идеологического компонента. Например, в качестве важнейшей силы, которая обеспечивает существование непризнанных государств, рассматривается страх.⁶⁰ Не отрицая значения данного фактора, следует отметить, что и в этом плане непризнанные государства трудно отличить от многих «законных» государственных образований. Разумеется, все перечисленные черты существуют; они позволяют рассматривать непризнанные государства как «недозревшую» разновидность национальных государств. Многие национальные государства, ныне признанные международным сообществом, в течение непродолжительного времени также относились к числу непризнанных государств. По нашему мнению, именно скорость признания играет важнейшую роль в разграничении признанных («быстрых») и непризнанных («медленных» или «замороженных») государств.

Последний из компонентов описания П. Колстё кажется избыточным. Трудно себе представить, каким образом непризнанное политическое образование может отделиться от сильного государства, если речь не идет о политической стратегии отбрасывания «ненужной/обременительной территории».

Относительно сильные государства, такие как Индия, Турция, Китай, страны «старой Европы» в составе Европейского союза, нередко или даже постоянно противостоят серьезным сепаратистским движениям и попыткам создания новых государств, включая провозглашение независимости подоб-

⁵⁹ *Kolstø P.* Op. cit. P. 723.

⁶⁰ *Lynch D.* De facto 'States' around the Black Sea: The Importance of Fear // *South-east European and Black Sea Studies. September 2007. Vol. 7, Issue 3.* P. 483–496.

ных образований. В некоторых случаях суверенитет государства защищают военной силой. В Европе чаще используется полиция или уместный здесь политический торг. Наконец, в некоторых странах (США, Австралия) существующая политическая система способна безболезненно переваривать уже упоминавшиеся «государства-шутки», немислимые в слабых государствах в том числе и по экономическим причинам.

После Монтевидео: государства-нарушители конвенции в первой половине XX века

Еще до образования ООН, которая сегодня объединяет абсолютное большинство государств мира, формальные признаки суверенного государства были закреплены в конвенции Монтевидео, принятой в 1933 г. на совещании глав американских государств. Согласно конвенции, государство должно обладать «а) постоянным населением, б) определенной территорией, с) правительством и d) способностью вступать в отношения с другими государствами».⁶¹

Если обратиться к перечисленным выше чертам непризнанного государства, становится ясно, что способность к открытому и взаимовыгодному участию в отношениях с другими государствами — наименее развитая часть деятельности непризнанных государств. Их внешние связи часто остаются неразвитыми или криминализируются из-за давления со стороны суверенных государств — «законных владельцев» данной территории. Достаточно интенсивные политические и экономические отношения с внешним миром также часто ограничиваются контактами с государственными структурами, неправительственными организациями и бизнесом страны-покровителя. Достаточно проблематичным является и определение территории непризнанного государства. В этой связи «методологическую неопределенность» отметил, в частности, Ф.А. Попов: «...неясно, что вообще понимается под условной сепаратистской территорией, какие границы следует наносить на карту — то ли те, что изложены в требованиях сепаратистов, то ли линии раздела зон контроля при вооруженном конфликте, то ли некие договорные границы».⁶²

Конвенция Монтевидео стала общепринятым инструментом определения суверенитета и признания новых государств мира. С 1933 года, когда эта конвенция появилась на свет, мир пережил Вторую мировую войну, множество локальных конфликтов и распад биполярной политической системы. Среди стран-участниц Второй мировой войны особое место принадлежало государственным образованиям, известным в научной и политической ли-

⁶¹ Convention on Rights and Duties of States. Art.1. Montevideo, 26 December, 1933 (<http://www.oas.org/juridico/english/sigs/a-40.html>).

⁶² Попов Ф.А. Указ. соч. С. 47.

тературе XX в. под названием «сателлитов» Германии, Италии и Японии, «марионеточных» или «так называемых» государств. Подобные государства существовали и до войны. Их характерными чертами были почти полное отсутствие международного признания и одновременно почти полная политическая, экономическая и военная зависимость от конкретного зарубежного государства-опекуна и союзника (Японии, Советского Союза, Германии). Во время Второй мировой войны такие «марионеточные» государства стали обычным явлением и в Европе, и в Азии. Пример Словакии и Хорватии показывает, что по крайней мере некоторые из «сателлитов», участвовавших во Второй мировой войне, не были случайными или совершенно искусственными государственными образованиями. С изменением политической ситуации они возродились, хотя и в несколько других границах, и с иным политическим строем на рубеже XX–XXI вв.

Большинство непризнанных или частично признанных государств, созданных (или хотя бы провозглашенных) накануне и во время Второй мировой войны, были уничтожены или самоликвидировались. В Европе к таким политическим образованиям, бесспорно, можно отнести Словакию (1939–1945), Хорватию (1941–1945), Черногорию (1941–1945), Финляндскую Демократическую Республику (1939–1940): в Азии — Маньчжурию (1932–1945), Восточно-Туркестанскую Республику (1944–1949), Туву (1921–1944). Последним среди подобных государств исчез Тибет (1913–1951), присоединенный к Китайской Народной Республике в результате непродолжительного военного конфликта. Среди псевдосубнациональных политических образований того времени следует упомянуть, в частности, Сербию и Карпатскую Украину.

Особый случай: Монголия (1911, 1919, 1924, 1945 гг.)

Статус Монголии не раз менялся начиная с 1911 г. После распада Цинской империи и образования Китайской Республики была провозглашена независимость Монголии. Новое монгольское государство, не признанное Китаем, получало помощь от соседней Российской империи. Был заключен договор между Монголией и Тибетом о взаимопомощи в 1911 г. В 1913 году Россия и Китай договорились о признании автономного статуса Внешней Монголии, т.е. лишь части монгольских земель, входивших в состав бывшей Цинской империи. В 1917 году Россия признала самостоятельность Монголии. В 1918 году автономия была упразднена китайскими властями. В 1919 году при поддержке Японии провозглашено монгольское государство, претендовавшее на все области, населенные монголами, в том числе бурятами, а также на Урянхай (Туву). Российские белые силы, которыми командовал барон Унгерн фон Штернберг, изгнали китайцев из Внешней Монголии. В 1921 году Красная Армия и монгольские повстанцы разгромили

силы Унгерна. Во Внешней Монголии в 1924 г. была провозглашена Монгольская Народная Республика (МНР), которую признал Советский Союз. Однако по советско-китайскому договору в том же 1924 г. СССР признал Внешнюю Монголию частью Китая. Абсолютное большинство стран мира не признавали МНР как суверенное государство.

В ходе Второй мировой войны СССР и Китай договорились о признании МНР в том случае, если монгольский народ поддержит независимость своей страны на референдуме. На референдуме 1945 г. абсолютное большинство граждан МНР проголосовали за независимость республики. Китай признал итоги референдума, однако в 1955 г. Китай (фактически уже Тайвань) использовал право вето, чтобы не допустить членства МНР в ООН, и долгое время рассматривал всю Монголию как часть Китая. МНР вступила в ООН в 1961 г., а фактическое признание со стороны Тайваня было достигнуто лишь в 2002 г.

После признания Китаем независимости Монгольской Народной Республики и вплоть до 1991 г. почти все новые суверенные государства формировались на территориях, которые прежде входили в состав колониальных империй.

В некоторых владениях Великобритании (Бирма) и США (Филиппины), оккупированных японскими вооруженными силами во время Второй мировой войны, в ходе войны были созданы формально независимые политические образования, признанные лишь самой Японией и другими подобными образованиями. После войны независимость этих стран была провозглашена вновь уже с согласия бывших «законных» метрополий. Вплоть до конца «холодной войны» подобная деколонизация «по правилам» оставалась основным способом образования новых суверенных государств.

Непризнанные государства в условиях деколонизации

После 1945 года число государств, получивших международное признание (как правило, членом ООН), непрерывно увеличивалось. Особенно стремительный рост числа суверенных государств начался с 1960 г., «Года Африки», когда достигли независимости 17 африканских стран. Переход к самостоятельности проходил с согласия, а часто и по инициативе, колониальных держав. Все новые государства соответствовали критериям, перечисленным в конвенции Монтевидео, и стали членами ООН и других международных организаций при поддержке бывших метрополий.

В процессе деколонизации, как правило, действовал принцип нерушимости границ бывших колониальных владений. Исключение составляли случаи присоединения относительно небольших территорий к новым суве-

ренным государствам. Таким образом, португальская крепость Сан-Жуан-Батишта-ди-Ажуда (Вида) была присоединена к Дагомее (современный Бенин), южно-африканский Уолфиш-Бэй — к Намибии, португальские и французские владения в Южной Азии — к Индии, бывший подмандатный Тоголенд — к Гане, Аомынь (Макао) и Гонконг (Сянган) — к Китайской Народной Республике (с сохранением статуса особых территорий). Соседние территории могли объединяться, сохраняя неизменными внешние границы. Так возникли Малайзия, Объединенные Арабские Эмираты, Сомали, Объединенная Республика Танзания. Бывшая итальянская колония Эритрея, находившаяся под британским управлением, была объединена с Эфиопией, которая в 1935–1941 гг. была также включена в состав итальянской колониальной империи, а затем находилась под британским контролем. Созданная таким образом Федерация Эфиопии и Эритреи просуществовала до 1962 г., а затем императорский режим превратил Эритрею в одну из эфиопских провинций без какого-либо особого статуса.

На внутренних «швах» таких объединений неизбежно возникали конфликты. В процессе создания Малайзии в 1963 г. в ее состав вошел Сингапур. Однако различные традиции управления и экономические интересы, а также этническое противостояние малайцев и китайцев (большинство населения Сингапура — этнические китайцы, хотя и с ярко выраженным местным самосознанием) привели к отделению Сингапура от федерации уже в 1965 г. Объединение бывших британского Сомалиленда и итальянского Сомали фактически распалось в 1991 г., когда Сомалиленд присоединился к числу непризнанных государств Африки.

Некоторые колониальные владения были разделены по границам административных единиц второго порядка. Балканизация могла быть результатом действий метрополий или национальных движений в отдельных колониях. В итоге увеличилось число относительно слабых суверенных государств. Распались Французская Западная Африка, Французская Экваториальная Африка, Французский Индокитай, британские Федерация Родезии и Ньясаленда и Федерация Вест-Индии, а также бельгийская подмандатная территория Руанда–Урунди, разделенная на Руанду и Бурунди.

Суверенизация таких административно-политических образований не исключала их объединения и совместного перехода к независимости. В 1960 году получила политическую самостоятельность Федерация Мали. Новая федерация объединила Сенегал и французский Судан, которые прежде входили в состав Французской Западной Африки. Через два месяца Сенегал объявил себя независимым государством и Федерация Мали распалась (ее название сохранил бывший французский Судан).

Слияние и разделение территорий в процессе деколонизации, как правило, происходили при поддержке бывших метрополий. В результате новые

государства без особых затруднений были признаны полноправными членами сообщества суверенных акторов мировой политики и смогли войти в ООН и другие международные организации.

Решение о слиянии и разделении территорий в каждом конкретном случае принималось достаточно произвольно. В некоторых колониальных владениях административные единицы второго порядка также претендовали на суверенитет и самостоятельное управление территорией, населением и экономическими объектами, прежде всего месторождениями полезных ископаемых. Без открытой поддержки со стороны бывших метрополий подобные образования не могли рассчитывать на статус суверенных государств, но могли создаваться и некоторое время функционировать в «серой зоне», например Биафра в Нигерии, Катанга в бывшем бельгийском Конго, Республика Северных Соломоновых Островов в Папуа-Новой Гвинее, отдельные острова бывшего англо-французского кондоминиума Новые Гебриды (Вануату).

В целом бывшие колониальные владения могли объединяться или делиться на более мелкие административные единицы, однако принцип нерушимости колониальных границ, проведенных в колониальный период, обычно соблюдался. Практика деколонизации показала, что нарушение этого принципа неизбежно вызывает политический или военно-политический конфликт и гарантирует провозглашение непризнанных государств в зоне конфликта.

Колониальные границы были нарушены в британском Камеруне, Палестине и бывшей Британской Индии. В Индии метрополия организовала раздел страны на Индию и Пакистан при поддержке местных политических партий, прежде всего мусульманской Лиги с ее лозунгом «Раздели и уходи». Результатом раздела стали кашмирский кризис и несколько индо-пакистанских войн. В Палестине предложение о разделе страны на еврейское и арабское государство в конечном счете привело к серии арабо-израильских войн.

В Камеруне полоса, находившаяся под британским управлением, формально являлась мандатной территорией Лиги Наций, а затем ООН, но фактически управлялась из Лагоса вместе с британской Нигерией. В 1961 году в британском Камеруне был проведен референдум о его будущем статусе. В результате северная часть этой территории, географически изолированная от южных районов, была присоединена к Нигерии. Южные провинции вошли в состав Объединенной Республики Камерун. Постепенно федерация была преобразована в унитарное государство. Часть населения бывшего британского Камеруна выступила за восстановление особого статуса своих провинций либо за отделение и создание суверенного государства Амбазония, или Южный Камерун. В 1999 году была провозглашена независимость Федеративной Республики Южный Камерун. Этот пропагандистский акт не был поддержан большинством сторонников отделения, но виртуально независимая Амбазония продолжает существовать.

Особый случай: Восточный Тимор (1975, 2002 гг.)

Крайне своеобразно, с большими человеческими жертвами развивался процесс деколонизации Восточного Тимора. До 1975 года эта территория была владением Португалии. Западная часть Тимора и соседние острова принадлежали Индонезии. В ходе деколонизации 28 ноября 1975 г. была провозглашена Демократическая Республика Восточный Тимор. К власти пришел марксистский ФРЕТИЛИН, что не могло не вызвать беспокойства у антикоммунистического режима Сухарто в Индонезии. Уже 7 декабря того же года индонезийские войска оккупировали бывшую португальскую колонию. Восточный Тимор был включен в состав Индонезии. Формально аннексия Восточного Тимора была одобрена восточно-тиморским «Народным собранием» в 1976 г. С исторической точки зрения аннексия почти не отличалась от присоединения португальских владений к Индии (1961 г., также с применением военной силы). Однако индонезийский оккупационный режим отличался крайней жестокостью. К 1978 году вооруженное сопротивление было почти полностью разгромлено.

Несмотря на военный успех индонезийских сил, ООН и большинство государств мира, в том числе Португалия, не признали аннексию Восточного Тимора, остававшегося территорией с неопределенным статусом вплоть до 2002 г. Смена режима в Индонезии и прямое вмешательство ООН и Австралии позволили Восточному Тимору войти в число суверенных государств. В 2002 году была вновь провозглашена независимость страны. Восточный Тимор (Демократическая Республика Тимор-Лешти) стал международно признанным государством и членом ООН. Государственное строительство и национальное примирение опирается на поддержку миссии ООН (с 2006 г. — Интегрированная миссия ООН в Тиморе-Лешти, UNMIT) и зарубежную финансовую помощь.

Деколонизация и одностороннее провозглашение независимости

Декларация о праве на независимость колониальных стран и народов,⁶³ принятая Генеральной Ассамблеей ООН, дала зависимым территориям возможность самостоятельного развития. Такой возможностью обычно не злоупотребляли. Даже в тех случаях, когда в колонии разворачивалась война за освобождение от колониального режима (например, в большинстве порту-

⁶³ Декларация о праве на независимость колониальных стран и народов. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV), принята 14 декабря 1960 года // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятнадцатая сессия. Дополнение № 16 (A/4684). С. 74, 75 (<http://www.un.org/russian/document/gadocs/convres/r15-1514.pdf>).

гальских владений), независимость, как правило, провозглашалась только после достижения договоренности с уходящими властями. Лишь иногда национально-освободительные движения, которых поддерживали Советский Союз, Китайская Народная Республика или другие влиятельные внешние силы, в одностороннем порядке объявляли о независимости «своих» государств.

Так было, в частности, в Гвинее-Бисау, где независимость была провозглашена в сентябре 1973 г. К тому времени столица страны еще контролировалась колониальными властями, и Португалия объявила новое политическое образование несуществующим. Республика Гвинея-Бисау была признана большинством стран Африки и присоединилась к Организации Африканского единства (ОАЕ). Тем не менее после революции в Португалии проблема независимости обсуждалась с новыми властями метрополии. В 1974 году была принята повторная декларация независимости, несмотря на то что для всех государств, признавших Гвинею-Бисау до этого времени, суверенитет нового государства не вызывал сомнений.

Другой случай одностороннего провозглашения независимости показывает, насколько опасно декларировать суверенитет без договоренности с метрополией. Коморские острова в одностороннем порядке провозгласили независимость в 1975 г. Независимость Комор была признана бывшей метрополией. Однако остров Майотта предпочел остаться в составе Франции, а ситуация на остальных островах длительное время оставалась крайне нестабильной. Суверенитет Коморских островов долгое время фактически ограничивался «столичным» островом Гранд-Комор. В 1997 году остров Анжуан попытался вернуться в состав Франции, но не получил поддержки от потенциального государства-покровителя. В результате в том же году на острове было провозглашено непризнанное Государство Анжуан. Анжуан оставался независимым до 2008 г. Затем непризнанное государство было ликвидировано военным путем в результате операции сил Африканского союза. Без внешней помощи Союз Коморских Островов, вероятно, распался бы. Тем не менее суверенное, но весьма слабое государство продолжает претендовать на Майотту; большинство стран мира считает этот остров частью коморской территории.

Наиболее известный пример одностороннего провозглашения независимости был связан с деятельностью белого меньшинства в Южной Родезии, прежде одной из относительно благополучных территорий в составе Британской империи. Независимость Южной Родезии была провозглашена меньшинством. Республика Родезия не была признана государствами-членами ООН. После длительной гражданской войны к власти пришло черное большинство. Страна получила название «Родезия–Зимбабве», а в 1980 г. на той же территории была провозглашена независимость Республики Зимбабве, которую признало мировое сообщество.

Менее известно одностороннее провозглашение независимости Анги́лья, островного владения Великобритании в Карибском море. В 1967 году остров вышел из колониальной федерации Сент-Киттс–Невис–Ангилья и был провозглашен независимой республикой без согласования с метрополией. Итог оказался плачевным. Ангилья безусловно относилась к числу территорий, подлежащих деколонизации. Однако чрезмерная спешка сторонников независимости маленького острова не получила поддержки со стороны других стран и ООН. Метрополия сначала попыталась навести порядок на острове при помощи полицейской операции. Островитяне защитили независимость, изгнав полицию. Со второй попытки, в 1969 г., непризнанное государство было ликвидировано военными силами. В результате мятежная Ангилья до сих пор остается колониальным владением Великобритании.

Государства, провозглашенные «не по правилам», т.е. не в рамках согласованного процесса деколонизации, в большинстве случаев не признавались мировым сообществом. Причины неудачи могли быть разными. Иногда все дело заключалось в несерьезности самого движения, представленного лишь маленькой компанией авантюристов. В других случаях создание непризнанного государства было связано с неопределенностью ситуации во время передачи полномочий метрополии новым властям. Если уходившие колонизаторы были заинтересованы в ослаблении своих бывших владений, непризнанное государство могло фактически опираться на их поддержку. Среди непризнанных государств эпохи деколонизации можно упомянуть Нагаленд в бывшей Британской Индии, Республику Южных Молуккских Островов в бывшей Голландской Индии (Индонезии), Кабинду — эксклав в составе бывшей португальской Анголы.

Почти все непризнанные государства, возникшие в период деколонизации, не смогли удержать под своим контролем территории, на которые претендовали, но до сих пор не отказались от претензий на суверенитет. За рубежом, часто в бывших метрополиях, продолжают функционировать правительства подобных государств. Эти правительства, в духе конвенции Монтевидео, стремятся сохранить «способность вступать в отношения» с симпатизирующими им государствами, даже лишившись собственной территории и большинства населения, оказавшихся под контролем законных (центральных, федеральных и т.п.) властей.

Как правило, зарубежные правительства, помогавшие непризнанным государствам, воздерживались от прямого военного вмешательства и открытых столкновений с суверенными государствами-«владельцами» зоны конфликта. Поддержку населению и политическим организациям на отделившихся территориях оказывали неправительственные организации, христианские миссионеры, в сфере безопасности и обороны — иностранные наемники. Размеры помощи зависели от того, в каких отношениях непризнанное государство

находилось с соседними суверенными государствами. Если непризнанное политическое образование опиралось на ирредентистское движение, помощь могла быть более значительной. В тех случаях, когда непризнанное государство представляло угрозу для территориальной целостности соседних стран, помощь извне была минимальной или предоставлялась не сторонникам отделения, а государству-«владельцу» территории против сепаратистов.

С 1945 по 1991 год образовалось несколько непризнанных государств на территории стран, прежде входивших в состав колониальных империй, но не сразу после деколонизации. К таким политическим образованиям относились, в частности, Тамил-Илам на Шри-Ланке, Турецкая Республика Северного Кипра и Государство Палестина. Судьба таких политических образований была связана с острыми этноконфессиональными конфликтами между двумя основными группами населения страны.

Конфликт с сингальским большинством привел к попытке создания самостоятельного тамильского государства на Шри-Ланке. В случае успеха такое государство могло создавать угрозу и для соседней Индии. Индийский штат Тамилнад, населенный в основном тамилами, служил одной из баз тамильского движения на Шри-Ланке. В результате Индия попыталась навести порядок в соседнем государстве, но столкнулась с сопротивлением со стороны тамилы. Жертвой тамильского терроризма пал премьер-министр Индии Раджив Ганди. После ухода индийских войск конфликт на Шри-Ланке продолжался с переменным успехом для непризнанного государства вплоть до 2009 г. Однако затем правительственные силы смогли подавить тамильское движение военным путем. Тамил-Илам пользовался поддержкой европейских и американских неправительственных организаций, но международного признания не получил.

Тамил-Илам, который контролировал часть территории Шри-Ланки, отличался от других непризнанных государств неразвитостью политической системы. Фактически все государственные функции взяла на себя организация «Тигры освобождения Тамил-Илама». Максимальная концентрация власти и милитаризация непризнанного режима были неизбежными в условиях войны, прежде всего потому, что у «Тигров освобождения Тамил-Илама» не было безопасного тыла на острове. Не было создано и правительство в изгнании, типичное для государственных образований, утративших контроль над «своей» территорией. Лишь после полной потери территории сторонники независимости в тамильской диаспоре начали создавать парагосударственные структуры. В 2010 году в диаспоре состоялись выборы в Транснациональное учредительное собрание Тамил-Илама; началось проведение референдумов о создании независимого тамильского государства. Было создано «транснациональное правительство Тамил-Илама», его первое заседание прошло в Филадельфии (США).

На Кипре, после предоставления ему политической независимости в 1960 г., возник острейший конфликт между турками и греками. В 1974 году на Кипре произошел государственный переворот под лозунгом энотизиса (присоединения к Греции). Тогда на севере острова высадились турецкие войска. Почти десятилетие спустя (1983 г.) на территории, которая находилась под контролем Турции, была провозглашена Турецкая Республика Северного Кипра. Попытки примирить две общины не дали результатов. В 2004 году турки-киприоты проголосовали за план, предусматривавший федерализацию Кипра и его объединенное членство в Европейском союзе. Греки-киприоты отвергли этот план, и в итоге в Европейский союз вошла Республика Кипр, фактически контролирующая лишь часть территории острова. Таким образом, ЕС вынужден терпеть существование непризнанного государства на территории одного из государств единой Европы.

Полноправное включение турецкой части Кипра в ЕС может произойти только после объединения острова или, что сегодня маловероятно, после присоединения к ЕС Турции. Именно Турция признала независимость Турецкой Республики Северного Кипра и оказывает поддержку этому политическому образованию с неопределенным статусом.

Палестина, бесспорно, относится к числу частично признанных государств. После раздела бывшей подмандатной Палестины международного признания и членства в ООН добился лишь Израиль. В 1967 году он оккупировал сектор Газа и Западный берег реки Иордан, объединив таким образом под своим контролем всю разделенную территорию. В то же время Израиль не был признан многими государствами мира, которые поддерживали арабское палестинское движение под руководством Организации освобождения Палестины.

Государство Палестина со столицей в Иерусалиме, провозглашенное в ноябре 1988 г. в Алжире, первоначально вовсе не имело контролируемой территории, если не считать лагерей беженцев в арабских странах. В 1990-е годы начался вывод израильских войск из сектора Газа и некоторых районов Западного берега реки Иордан. С 1994 года, после создания Палестинской национальной администрации, Палестина остается частично признанным государством, к тому же разделенным на два фактически самостоятельных анклава. Палестинское государство до сих пор не является членом ООН, хотя его признали большинство стран-членов этой глобальной организации. Некоторые другие государства фактически также признают суверенитет Палестины, поскольку они разрешили деятельность представительств Организации освобождения Палестины (ее ядро составляет ФАТХ) со статусом дипломатических представительств.

Некоторые непризнанные государства возникли в связи с процессом деколонизации, но опирались на длительную историческую традицию, сохра-

ненную благодаря специфике колониального режима. Система косвенного правления в Британской империи предполагала хотя бы формальное сохранение доколониальных политических образований в тех случаях, когда это было удобно для метрополии. В Британской Индии накануне провозглашения независимости существовало несколько сот т.н. туземных государств; в африканских владениях Великобритании также сохранились королевства, эмираты и другие самоуправляемые территории. В колониальную эпоху все они получили четко очерченные границы и упорядоченный административный аппарат. В результате деколонизации большинство подобных образований вошло в состав независимых государств без серьезных конфликтов с новыми властями и с согласия бывшей метрополии. Однако были и недовольные, ссылавшиеся на то, что они признавали власть Великобритании, а не какого-либо промежуточного колониально-административного образования, а значит, после ухода колонизаторов имеют право на собственный суверенитет.

В ходе подобных конфликтов пытались стать независимыми «без посредников» Буганда и другие королевства в Уганде, недолговечная Федерация Южной Аравии на юге Йемена, некоторые «туземные государства» в бывшей Британской Индии и Бирме. В последнем случае обострению ситуации способствовал раздел страны на Индию и Пакистан. «Туземные государства» должны были присоединиться к Индии или к Пакистану; несколько лет спустя их особый статус был упразднен. Хайдарабад, значительный по территории и населению анклав внутри Индии, попытался сохранить самостоятельность после деколонизации и был присоединен к индийскому государству военным путем. В Пакистане несколько раз объявляли себя независимыми княжества Белуджистана, но и в этом случае непризнанные государства были ликвидированы при помощи военной силы.

Правитель Джамму и Кашмира выбрал присоединение к Индии, несмотря на сопротивление мусульманских партий и соседнего Пакистана. В результате на территории Кашмира были созданы Азад Кашмир («Свободный Кашмир») и Исламская Республика Балтистан. Азад Кашмир под контролем Пакистана существует до сих пор. Некоторые страны мира, например Китайская Народная Республика, рассматривают весь Кашмир как отдельную территорию, не входящую в состав Индии или Пакистана; до середины 1950-х гг. такой позиции придерживался и бывший Советский Союз. Перспективы решения кашмирского вопроса остаются неопределенными и сегодня.

Особый случай: Бангладеш (1971 г.)

С 1945 (признание независимости Монгольской Народной Республики Китаем, закрепившее суверенитет МНР) по 1993 год (официальное отделение Эритреи от Эфиопии) лишь однажды удачная попытка сепарации привела

сначала к образованию непризнанного государства, а затем и к его переходу в число суверенных государств-членов ООН. После раздела в 1947 г. бывшей Британской Индии на Индию и Пакистан мусульманское государство на полуострове Индостан состояло из двух частей, отделенных друг от друга территорией Индии. Восточный Пакистан, населенный в основном бенгальцами, отличался от западной части страны и в этническом, и в языковом отношении. Борьба за официальный статус бенгальского языка в конечном счете переросла в сепаратистское движение. В 1971 году была провозглашена независимая Народная Республика Бангладеш. В условиях индийско-пакистанского вооруженного конфликта сепаратистов поддержала Индия, индийские войска заняли всю территорию Восточного Пакистана.

Независимость Бангладеш была признана Индией и ее союзниками, в том числе СССР. Пакистан признал отделение Бангладеш в 1974 г. Китай, союзник Пакистана, выступал против членства Бангладеш в ООН до тех пор, пока с существованием новой страны не согласился Пакистан. Таким образом, случай Бангладеш можно рассматривать как уникальный для данного исторического периода пример быстрой трансформации отделившейся территории в суверенное государство, признанное мировым сообществом. В то же время и в этом случае обязательным условием международного признания была нормализация отношений с прежним государством-«владельцем» территории бывшего Восточного Пакистана.

На территориях, ранее не входивших в состав колониальных империй, непризнанные государства после 1945 г. и до конца «холодной войны» создавались редко. Обычно учреждение таких политических образований представляло собой особый прием антиправительственной агитации либо частных (семейный или даже индивидуальный) эксперимент.

В некоторых странах за создание независимых государств выступали организации, претендовавшие на статус национально-освободительных движений (в контексте гипотетической деколонизации). Например, в населенных арабами районах Ирана в этот период возникло движение за создание собственного государства (ал-Ахваз, или Арабистан). В 1964 году было создано Движение за самоопределение и независимость Канарских островов (МРАІАС), в 1968 г. Организация африканского единства признала это движение национально-освободительным и африканским. Однако практически нигде за пределами бывшего колониального мира стремление к сепессии не приводило к созданию реально функционировавших непризнанных государств, если не считать таких микрогосударств, как Силенд. Это государственное образование, созданное в 1967 г. на искусственной платформе у побережья Великобритании, безусловно, не менее реально, чем некоторые азиатские и африканские правительства в изгнании.

«Взаимно непризнанные» государства периода «холодной войны»

После Второй мировой войны в рамках биполярной мировой системы возникла еще одна весьма своеобразная группа «взаимно непризнанных» государств. К ним относились Федеративная Республика Германия (ФРГ) и Германская Демократическая Республика (ГДР), Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Республика Корея, Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ) и Республика Вьетнам, Китайская Народная Республика (КНР) и Тайвань («Республика Китай на Тайване»). Правительства каждой пары таких государств фактически, а временами и официально оспаривали друг у друга статус единственного законного представителя своих стран — Германии, Кореи, Вьетнама и Китая.

Государства, получавшие поддержку от Советского Союза и КНР, всячески стремились стереть с карты мира враждебные «марионеточные» режимы, опиравшиеся на помощь США и их союзников. Так же действовал и противник. В частности, ФРГ применяла в отношении ГДР в 1955–1970 гг. доктрину Хальштейна, исключавшую одновременное признание двух Германий каким-либо зарубежным государством. Противостояние отражалось и на географических картах, и во внешнеполитическом дискурсе. Например, в Советском Союзе ФРГ долгое время официально упоминалась как Западная Германия или «Федеративная Республика Германии» (очевидно, чтобы подчеркнуть право ГДР на самостоятельное существование), Республика Корея — исключительно как Южная Корея.

Большинство «взаимно непризнанных» государств в условиях биполярного мира не могли стать членами ООН и были признаны лишь государствами-союзниками. Исключение составлял Тайвань, до 1971 г. остававшийся постоянным членом Совета Безопасности ООН.

В ходе войны во Вьетнаме на юге страны была провозглашена Республика Южный Вьетнам (1969 г.). Это политическое образование не было признано мировым сообществом, но установило дипломатические отношения с государствами-союзниками, включая Советский Союз. Признание было весьма странным: в советской литературе и на географических картах того времени Вьетнам по-прежнему изображался как единая страна, хотя и разделенная демаркационной линией на Север и Юг. В 1975 году проамериканская Республика Вьетнам на юге страны была разгромлена армией ДРВ при поддержке южновьетнамских партизан и подпольщиков. Несмотря на поддержку Генеральной Ассамблеи ООН, ДРВ и Республика Южный Вьетнам не смогли раздельно вступить в ООН из-за вето США в Совете Безопасности. Год спустя Республика Южный Вьетнам, «страна-ширма», выполнившая отведенную ей роль в войне, была объединена с северной частью Вьетнама.

В 1970-е годы почти все «взаимно непризнанные» государства (КНДР и Республика Корея, ФРГ и ГДР), как и объединенный Вьетнам, стали членами ООН. В то же время Тайвань утратил статус суверенного государства, и его место в ООН перешло к Китайской Народной Республике. Таким образом, Тайвань перешел в число непризнанных государств, несмотря на то что это политическое образование соответствует всем положениям конвенции Монтевидео.

Противостояние СССР и США также повлияло на ситуацию в Йемене, где до 1990 г. существовали Йеменская Арабская Республика и Народная Республика Южный Йемен (затем Народно-Демократическая Республика Йемен). Формально признав друг друга суверенными государствами, они фактически постоянно боролись за лидерство на всей территории исторического Йемена.

Конец «холодной войны», ослабление и распад Советского Союза привели к объединению Германии и Йемена. Объединение происходило путем поглощения более слабого государства (1989 г. — ГДР, 1990 г. — НДРГ). Интеграция происходила достаточно тяжело для востока (т.н. новых земель) Германии и юга Йемена. В Германии недовольство «осси» не вышло за рамки легальной политической борьбы партий. В Йемене в 1994 г. юг страны попытался вновь отделиться, однако попытка восстановить самостоятельный Южный Йемен была подавлена северянами.

Тайвань сохранил фактическую независимость и после окончания советско-американского противостояния. Теперь это непризнанное государство претендует на членство в ООН и других международных организациях, допуская сосуществование в них с Китайской Народной Республикой. КНР требует от стран-партнеров признания политики единого Китая. В то же время членство Тайваня в международных организациях допускается при условии, что он не будет выступать в них как Китай.

Например, во Всемирной Торговой Организации Тайвань представлен как «Отдельная таможенная территория Тайваня, Пэнху, Кинмена и Матсу» (**Separate Customs Territory of Taiwan, Penghu, Kinmen, and Matsu**), тайваньские олимпийцы и авиакомпании (в Международной ассоциации воздушного транспорта) представляют «Китайский Тайбэй» (Chinese Taipei), интернет-домен (.tw) — «китайский Тайвань» (Taiwan, China). Во многих государствах, которые не поддерживают дипломатических отношений с Тайванем, действуют представительства «Тайбэя» (**Taipei Economic and Cultural (Representative) Offices, Taipei Representative Offices**).⁶⁴

Некоторые политические силы, в частности Демократическая прогрессивная партия Тайваня (ДПП), выступали за полную независимость острова.

⁶⁴ *Berg E., Toomla R. Op. cit. P. 33.*

В марте 2007 г., одновременно с президентскими выборами, находившаяся тогда у власти ДПП и оппозиционный Гоминьдан попытались организовать голосование по вопросу о возможном вступлении Тайваня в ООН. Оба референдума провалились. На выборах победил кандидат Гоминьдана Ма Ин-цзю, обещавший укрепить связи с материковым Китаем и открыть остров для туристов из КНР.

Успех противников независимости Тайваня нельзя считать результатом одного лишь запугивания со стороны КНР. Свой вклад в победу Гоминьдана внесли США и Россия. И Вашингтон, и Москва выступили против референдума и возможного нарушения статус-кво в регионе. Мотивы, определившие сходство позиций, были различными, но в результате сторонники тайваньской независимости потерпели поражение. И независимость, и насильственное объединение Тайваня с КНР сейчас маловероятны. В ближайшее время «Республика Китай на Тайване» не сможет покинуть группу непризнанных государств.

Новые непризнанные государства: «незаконные» плоды борьбы за советское и югославское наследство

Крах советской и югославской государственности в конце 1980-х—начале 1990-х гг. привел к возникновению большого числа новых независимых государств. Именно под этим названием («New Independent States», NIS) в американском внешнеполитическом дискурсе первоначально упоминались почти все государства, образовавшиеся после распада Советского Союза. Исключение составляли лишь Эстония, Латвия и Литва, поскольку США и раньше не признавали их присоединения к СССР. В тот же период после мирного разделения Чехословакии образовались еще два независимых государства — Чешская Республика и Республика Словакия.

В процессе ослабления и распада СССР и Югославии новые линии раздела в основном прошли по границам республик-членов этих двух федераций, но были и исключения. Еще до распада Советского Союза о своем суверенитете заявили не только 15 Советских Социалистических Республик (ССР), но и многие автономные республики (АССР), прежде входившие в состав союзных республик, а также некоторые автономные области и другие субнациональные единицы. Основанием для суверенизации ее сторонники, как правило, называли этнические конфликты. Однако фактически противоречия носили не только этнический характер. К примеру, в Молдавии автономизация Гагаузии могла объясняться соображениями этнического плана. В то же время отделение Приднестровской Молдавской Республики аргументировалось прежде всего нежеланием войти в состав Румынии в случае присоединения к ней основной территории Молдавии. Новая граница При-

днестровья (в основном по реке Днестр) почти везде совпадала с фактической границей между Советским Союзом (Молдавской автономной республикой в составе Советской Украины) и Румынией до 1940 г.

В процессе распада СССР новые непризнанные государства, контролировавшие определенную территорию, возникли на территории четырех бывших союзных республик — РСФСР (Чеченская Республика Ичкерия на большей части бывшей Чечено-Ингушской АССР), Грузинской ССР (Республика Абхазия, бывшая Абхазская АССР, и Республика Южная Осетия, бывшая Юго-Осетинская автономная область), Азербайджанской ССР (Нагорно-Карабахская Республика, бывшая Нагорно-Карабахская автономная область) и Молдавской ССР (Приднестровье, не имевшее особого статуса после 1940 г.). Другие попытки образования независимых государств носили пропагандистский характер. Например, независимое государство (Багысская Казахская Республика) со своим президентом и парламентом было образовано в 2001 г. в двух приграничных поселках Казахстана, когда возникла угроза их передачи соседнему Узбекистану.⁶⁵ Подобные образования можно рассматривать прежде всего как одну из форм политического протеста.

Все суверенные «владельцы» отделившихся территорий стремились ликвидировать непризнанные государства путем переговоров или при помощи силы. Лишь в России формальное воссоединение Чечни произошло после двух войн и необъявленной этнической чистки на территории, вышедшей из-под федерального контроля. В итоге, как и в других республиках Северного Кавказа, российские власти реанимировали политическую систему, напоминающую британское косвенное правление и российское правление в протекторатах до 1917 г. За время существования непризнанного чеченского государства его признал только Афганистан в период правления движения «Талибан». В 2000-е годы на Северном Кавказе и за пределами России появились разнородные силы, связывающие себя с различными непризнанными политическими образованиями.

За пределами Северного Кавказа проблема отношений с Татарстаном и другими субъектами федерации, прежде заявлявшими о своем суверенитете, была решена мирным путем. Часть бывших автономных республик в своих конституциях именуется государствами в составе Российской Федерации, не претендуя на международное признание. Некоторые республики (в том числе непризнанная Ичкерия) и национальные движения в 1990-х гг. входили в Организацию непредставленных наций и народов (UNPO). Все они,

⁶⁵ О событиях в Багысе см., например: Врагу не сдастся наш гордый «БАГЫС». Сепаратизм от отчаяния. Президента самопровозглашенной Республики ищут спецслужбы Узбекистана и Казахстана // Номад. 18 января 2002 (<http://www.nomad.su/index.php?a=12-20020118010>).

кроме Тувы, Всебурятской ассоциации развития культуры, Международной черкесской ассоциации и Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш», покинули эту организацию к 2010 г.

После серии военных конфликтов с властями Молдовы и Азербайджана Приднестровье и Нагорный Карабах (Арцах) сохранили статус государств, не получивших международного признания. Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия признают друг друга как суверенные государства. Абхазия и Южная Осетия частично изменили свой статус в результате российско-грузинского конфликта в 2008 г. Их признали Россия, Венесуэла, Никарагуа и Науру, что формально позволило считать Абхазию и Южную Осетию частично признанными государствами. Однако в обоих случаях не было достигнуто признание со стороны Грузии, которая с точки зрения большинства государств мира остается суверенным «владельцем» отделившихся территорий.

Признание со стороны бывшей метрополии до недавнего времени являлось обязательным условием перехода непризнанных государств в группу суверенных акторов мировой политики. На постсоветском пространстве это условие, по-видимому, пока остается в силе. Абхазия и Южная Осетия могут существовать как частично признанные государства, но без нормализации отношений с Грузией они имеют мало шансов на признание со стороны мирового сообщества и полноправное членство в международных организациях, включая ООН.

Еще менее вероятно международное признание Приднестровья, которое остается буферной зоной между Молдовой и Украиной и одновременно пользуется поддержкой со стороны России; ни одна из этих стран не признает Приднестровье как суверенное государство. Нагорный Карабах также остается в «серой зоне». Азербайджан рассматривает этот район как территории, оккупированные Арменией. Армения фактически поддерживает Нагорный Карабах, но официально не признала его независимым государством.

Новые государства, возникшие в 1990-х гг. в процессе борьбы за югославское наследство, развивались в более сложной обстановке, чем государства постсоветского пространства. Распад Югославии не был мирным. Первыми отделились от Югославии Словения и Хорватия. Словения смогла отстоять свою независимость в скоротечном конфликте с Югославской Народной Армией, но оставалась непризнанным государством до тех, пока новое политическое образование не признали Германия и другие страны Европы. Сецессия Хорватии проходила по схожему сценарию, осложненному сопротивлением сербского населения республики.

На территориях, населенных сербами, возникло несколько непризнанных государств, в частности Республика Сербская Краина, ликвидированная военным путем в 1995 г. В Боснии и Герцеговине также было создано несколько государственных образований. После вмешательства НАТО и

Европейского союза эта бывшая югославская республика приобрела статус суверенного государства, состоящего из хорватско-мусульманской и сербских территорий, фактически объединенных внешним управлением. Македония отделилась мирно, но не смогла получить статус суверенного государства под своим собственным названием из-за возражений со стороны соседней Греции. В результате страна стала членом ООН и других международных организаций как «бывшая югославская республика Македония» («The former Yugoslav Republic of Macedonia», FYROM). Мирно произошло также превращение того, что осталось от Югославии, в федерацию, состоявшую из Сербии и Черногории, а затем и отделение Черногории в 2006 г.

В бывшем автономном крае Косово и Метохия (Космет), прежде входившем в состав Сербии, в сентябре 1991 г. была провозглашена «Республика Косова» (с албанским вариантом названия края), которую признала только этнически близкая Албания. Албанская часть населения образовала параллельные органы власти. Таким образом, фактически на территории края существовало албанское парагосударство. В конце 1990-х гг. кратковременный военный успех Сербии вызвал исход албанцев и военное вмешательство НАТО. После военного поражения Белграда в Косово сформировалась собственная политическая система. За ее рамками осталась лишь часть территории с сербским большинством в районе Митровицы. В феврале 2008 г. была провозглашена независимость края в соответствии с планом Ахтисаари («мультиэтническое общество» с двумя государственными языками, «открытая рыночная экономика со свободной конкуренцией»). В июле 2010 г. законность отделения Косово подтвердил и Международный суд.⁶⁶

Косово признали большинство стран Европейского союза, США, из непризнанных государств — Северный Кипр, Тайвань и Тамил-Илам. По мнению составителей декларации независимости Косово, создание нового суверенного и демократического нового государства означало конец процесса роспуска Югославии. В декларации утверждалось, что образование нового многоэтничного государства — «особый случай, вытекающий из неконсенсуального распада Югославии, и не прецедент для любой другой ситуации».⁶⁷

Однако сам факт провозглашения независимости субнационального административного образования вызвал в мире дискуссию о косовском прецеденте. Вероятно, без независимости Косово не возник бы соблазн призна-

⁶⁶ Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo. International Court of Justice. 22 July 2010 (<http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15987.pdf>).

⁶⁷ Kosovo Declaration of Independence. Pristina, 17 February 2008 (<http://www.assembly-kosova.org/?krye=news&newsid=1635&lang=en>).

ния независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России, несмотря на экономическую и стратегическую рискованность такого шага. Сербия, а также Россия, Китай, Испания и некоторые другие страны, опасаясь угрозы сепаратизма, не признали Косово в качестве суверенного государства. Таким образом, сегодня Косово остается единственным частично признанным (с точки зрения России, «родительского государства», т.е. Сербии, и других стран — непризнанным) государством, возникшим в процессе раздела югославского наследства.

Все остальные непризнанные государственные образования на территории бывшей Югославии к настоящему времени получили международное признание, исчезли или, как Республика Сербска, были вынуждены согласиться на субнациональный статус. Хорватская и сербская республики в Боснии и Герцеговине не вполне добровольно воссоединились в едином суверенном государстве под управлением международной администрации во главе с Высоким представителем в Боснии и Герцеговине (Республика Сербска — как особый псевдосубнациональный энтитет, Хорватская Республика Герцег-Босна интегрировалась с мусульманскими районами бывшей югославской республики в Федерацию Босния и Герцеговина). Создание нынешней Боснии и Герцеговины, полноправного члена ООН с ограниченным суверенитетом, позволило остановить войну и на какое-то время «заморозить» проблему хорватского и сербского ирредентизма.

Непризнанные государства в современном мире: новые перспективы

С начала 1990-х гг. непризнанные государства, как и псевдосубнациональные политические образования, создавались не только в ходе борьбе за советское и югославское наследство. В регионе Большого Ближнего Востока рост нестабильности и военные конфликты показали слабость государств, которые были созданы или начали складываться после Первой мировой войны и раздела Османской империи.

Две войны и международные санкции в 1991–2003 гг. едва не превратили Ирак в государство-призрак наподобие Сомали. Формально Ирак сохранял атрибуты суверенного государства, но на практике политические решения принимали внешние силы (США и их союзники, по сути дела оккупационные войска) либо местные вооруженные формирования и партии, не подчинявшиеся какому-либо центру в Багдаде.

Для того чтобы обеспечить более эффективное управление конфликтом в Ираке, политики (и республиканцы, и демократы), военные и ученые в США неоднократно предлагали «мягко» разделить страну на слабо связанные между собой Курдистан, «Суннистан» и «Шиистан». Разумеется, в

арабском мире никаких «-станов» не было и нет, но в конечном счете для политических образований суннитов и шиитов можно было бы найти и другие названия. Некоторые американские эксперты предлагали еще более дробное деление (например, «Глубокий Юг», Средний Евфрат, Багдад, «Суннистан», туркменский и христианский анклав и «общий» Киркук с его нефтяными богатствами и запутанной этнической ситуацией).⁶⁸

Во всех предложениях было заметно стремление отделить от богатого нефтью и относительно стабильного арабо-шиитского и курдского Ирака более спокойный и обделенный природными ресурсами «суннитский треугольник».

В качестве образца для раздела Ирака была предложена Босния и Герцеговина. Действительно, в боснийской войне 1990-х гг. участвовали три этнополитические группировки (сербы, хорваты, боснийские мусульмане). В Ираке основных сил столько же: курды (в основном мусульмане, но в данном случае национальный фактор важнее, чем религиозный), арабы-сунниты и шииты, тоже в основном арабы. В Боснии и Герцеговине в конечном счете было сохранено единство страны, но фактически в ее составе были созданы сербское и хорватско-мусульманское псевдосубнациональные образования. Предотвращение военных конфликтов обеспечивают силы НАТО, экономическую стабильность — Европейский союз.

И все же, несмотря на различные планы раздела страны, Ирак не распался на непризнанные государства или псевдосубнациональные регионы. Большинство иракских политических сил, включая самопровозглашенный исламский эмират (2006 г.), стремились установить контроль над всей страной, а не только над «своими» провинциями. В рамках иракской политической системы остался Иракский Курдистан, который в принципе мог бы войти в число непризнанных или даже суверенных государств. Сдержанность курдских партий, скорее всего, объяснялась прагматическими соображениями. Все политические силы Иракского Курдистана претендуют на район Киркука (очевидно, вместе с его нефтью). Передать Киркук курдам в принципе могли бы их западные союзники, но сейчас не 1918 год, и американцы не отличаются той решительностью, которая была у государств Антанты, деливших между собой Османскую империю. Даже непризнанная независимость Иракского Курдистана неизбежно осложнит отношения с соседними странами, в которых живут курды, прежде всего с Турцией. Открытый конфликт с соседями мог бы поставить под угрозу само существование курдского политического образования, не имеющего выхода к морю. Не декларируя свой суверенитет, Иракский Курдистан сегодня может развиваться и под прикрытием единой иракской государственности.

⁶⁸ Cole J. Settling Iraq before it Blows Up. *May 1, 2006* (<http://www.juancole.com/2006/05/settling-iraq-before-it-blows-up.html>).

В научной и публицистической литературе также обсуждались планы «мягкого» или окончательного раздела Саудовской Аравии, Сирии, Ирана, Афганистана и других стран Большого Ближнего Востока.⁶⁹ Многократные неудачные попытки решения палестинской проблемы показывают, что такой раздел, скорее всего, привел бы к появлению новых непризнанных государств.

В Южной и Юго-Восточной Азии с 1990-х гг. число непризнанных государств почти не изменилось. Фактическая самостоятельность пуштунских племен в Пакистане получила продолжение, когда в 2006 г. был провозглашен Исламский Эмират Вазиристан. Вазиристан и власти Пакистана подписали соглашение о прекращении конфликта, но затем противостояние возобновилось. Создание Вазиристана имело в основном декларативный характер. И до и после его образования пуштуны-вазиры (вазири), живущие в регионе, без какой-либо «суверенной государственности» успешно защищали свою независимость от любого «законного» правительства. Во многом виртуальным политическим конструктом остается непризнанный Белуджистан, как и некоторые непризнанные государства на территории Индии. Предложения о создании отдельного государства для индийских мусульман не выходят за рамки научной и политической дискуссии. В Шри-Ланке правительственные силы после многих лет войны сумели подавить тамильское движение. В результате непризнанный Тамил-Илам также превратился в виртуальное политическое образование, которое не контролирует «свою» территорию. В Юго-Восточной Азии из «серой зоны» вышел Восточный Тимор, получивший международное признание. Аче, где ранее было создано непризнанное исламское государство, получило широкую автономию в рамках Индонезии.

В большинстве других регионов мира в этот период непризнанные государства не создавались или носили сугубо декларативный (иногда коммерческий) характер. Среди наиболее известных образований такого рода можно упомянуть Республику Лакота на территории США (2007 г.) и вновь образованное непризнанное государство Москития на территории Никарагуа (2009 г.). Сегодня большинство непризнанных государственных образований, которые контролируют определенную территорию или опираются на массовую поддержку, находятся на постсоветском пространстве и в Африке.

Что касается общих тенденций развития непризнанных государств, в работе Скотта Пегга предлагаются три модели: 1) «эфиопская модель», согласно которой режим в Аддис-Абебе терпел внешние связи Эритреи (1991–1993 гг.); 2) «модель ГАТТ/ВТО», когда члены организации рассматрива-

⁶⁹ См., например: *Peters R. Blood borders. How a better Middle East would look // Armed Forces Journal. June 2006* (<http://www.armedforcesjournal.com/2006/06/1833899>).

ются в первую очередь как договаривающиеся стороны (contracting parties) независимо от того, признаны ли они в качестве суверенных государств; 3) «Тайваньская модель», когда значительные связи с другими государствами не требуют признания статуса страны как суверенного государства.⁷⁰

Три правила суверенизации непризнанных государств

Большинство непризнанных государств не имеет шансов выйти из «серой зоны» мировой политики и трансформироваться в суверенные государства. Сегодня становится ясно, что для международного признания нового государства недостаточно даже явно выраженного желания (например, в ходе референдума) большинства жителей отделившейся территории. Недостаточно провозгласить независимость, тем более что в современных условиях она легко достижима в виртуальном варианте и может использоваться в сугубо коммерческих целях, как и другой рекламируемый продукт.

Вероятно, уже можно определить некоторые важнейшие правила трансформации непризнанных или частично признанных политических образований в суверенные государства. Время трансформации может быть достаточно продолжительным (Восточный Тимор отстаивал свой статус независимого государства с 1975 по 2002 г., правительство Белоруссии в изгнании существовало с 1920 по 1991 г.). Однако непризнанное государство, не сумевшее относительно быстро пройти этот процесс, рискует надолго остаться в «серой зоне» мировой политики. Например, уже около шестидесяти лет продолжают существовать непризнанные государства, которые претендуют на некоторые территории Мьянмы (Бирмы) и фактически частично контролируют эти районы. Однако ни одно из таких образований не было признано суверенными государствами мира и ни одно из них не смогло обеспечить защиту населения от военного конфликта.

Отсрочка признания, как отмечает Нина Касперсен, может стать губительной для непризнанного государства: «Природа непризнанной государственности оказывает давление на лидеров: в долгосрочной перспективе трудно поддерживать нарратив относительно будущего признания, и становится труднее оправдывать повседневные тяготы и отсутствие безопасности. В сочетании с постепенным процессом внутриобщинной демократизации это может привести лидеров к поиску "выхода" и неохотному согласию

⁷⁰ Pegg S. The Impact of De Facto States on International Law and the International Community // Opening the World Order to de facto States — Limits and Potentialities for de facto States in the International Order. European Parliament, Brussels, Belgium. 15 May 2008 (<http://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf>); см. Также: Berg E., Toomla R. Op. cit. P. 27.

на компромисс, если будет предложено приемлемое урегулирование». По мнению Н. Касперсен, такой компромисс был достигнут в 1995 г. между Республикой Сербской и другими политическими силами в Боснии и Герцеговине, вероятно, намечается сейчас в отношениях между Турецкой Республикой Северного Кипра и Республикой Кипр, тогда как Тайвань уже нашел некую форму *modus vivendi* в отношениях с КНР.⁷¹

Первое правило трансформации непризнанного политического образования в суверенное государство можно сформулировать как негативное «правило отсрочки признания»: если самопровозглашенное государство не получило признания немедленно (в течение 1–2 лет), резко возрастает вероятность отсрочки признания. При этом сохраняется риск военного решения проблемы со стороны т.н. родительского государства.

Второе правило связано с гуманитарными аспектами суверенизации непризнанного государства. Сегодня такое участие получило подкрепление благодаря решению Международного суда относительно суверенитета Косово. Фактически требуется угроза геноцида, чтобы оправдать трансформацию непризнанного политического образования в суверенное государство. По сути дела, обязательность явной угрозы напоминает те требования, которые предъявляются в Европе к беженцам. Чтобы получить статус беженца, недостаточно ссылок на экономические трудности в Эфиопии или Сомали. Миграционные службы должны убедиться в том, что претендент на убежище спасается от угрозы гибели или пыток (в национально-государственном варианте — от геноцида и этнических чисток). Именно эти аргументы сейчас используются в Судане. В частности, в Дарфуре предполагаемый геноцид и присутствие иностранных миротворцев создают условия для отделения местных «африканцев» от «арабского» Судана. Раздел Судана по югославской модели теперь, после все более полной суверенизации Косово, реален, если это будет отвечать интересам мирового сообщества.

Второе правило трансформации непризнанного политического образования в суверенное государство можно сформулировать как позитивное «правило признания жертвы»: больше шансов на международное признание у политического образования той группы населения, которая рассматривается в мире как жертва «плохого» суверенного государства.

Если мировое сообщество осуждает политику «плохого» суверенного государства, возникает право на гуманитарное вмешательство, в том числе на ввод иностранных военных и полицейских сил государства-покровителя. Поддержку извне при этом получает меньшинство, которое на «своей» территории превращается в большинство и приобретает право на самоопреде-

⁷¹ The Politics of De Facto / Unrecognised States. Recommendations (http://www.lancs.ac.uk/fass/projects/unrecognised-states/unrecognised_state.php).

ление и создание нового суверенного государства. Представители прежнего «плохого» большинства такого права не получают.

Э. Берг и Р. Тоомла также полагают, что законность отделения влияет на уровень признания «фактических государств»: «Отделение, хотя и табуировано с точки зрения права, может предоставить некоторые основания для сдвига к признанию, когда оно является последним прибежищем против серьезной несправедливости. Либеральные демократии всегда получают большее признание со стороны международного сообщества, чем авторитарные режимы».⁷² В этой интерпретации к оценке гуманитарных аспектов добавляется анализ институтов непризнанного государства. По мнению Нины Касперсен, «имитация демократической государственности составляет ключевую стратегию для непризнанных государств, так как она, по-видимому, способствует достижению двух их главных целей: сохранить независимость де-факто и добиться международного признания».⁷³ Лидеры непризнанных государств стремятся продемонстрировать свою приверженность демократии, используя для этой цели выборы. Таким образом, создается имитационно-электоральная демократия, известная и в некоторых международно признанных государствах.⁷⁴

В условиях вооруженной борьбы за хотя бы фактическую самостоятельность непризнанные государства всегда рискуют перейти от реальной или даже имитационной демократии к открыто авторитарным методам управления. По сравнению с либеральным подходом авторитарный оказывается более понятным в военных условиях. Демократия может быть привлекательной для мирового общественного мнения, но губительной для самого непризнанного государства. Об этом еще в XIX в. писал участник десятилетней войны за независимость Кубы (1868–1878) Э. Кольясо, оценивая причины поражения первой Кубинской Республики: «Была создана республика и разработана конституция, в то время как мы не имели даже пяди земли, над которой могли бы водрузить свой флаг, приложили все усилия, чтобы не допустить возникновения диктатуры, забыв о враге, который наступал; надеялись обрести свободу, не понимая, что еще не имеем родины; провозгласили себя гражданами в то время, когда нужны были солдаты, и в итоге придали только что рожденному ребенку черты уже зрелого человека».⁷⁵

⁷² Berg E., Toomla R. Op. cit. P. 42.

⁷³ The Politics of De Facto/Unrecognized States. Recommendations (http://www.lancs.ac.uk/fass/projects/unrecognised-states/unrecognised_state.php).

⁷⁴ См., например: *Арбатская М.Н.* Голосование в зарубежных странах и непризнанных государствах: нормы и практика // *Россия и современный мир.* 2007. № 3. С. 165–178; *Protsyk O.* Representation and Democracy in Eurasia's Unrecognized States: The Case of Transnistria // *Post-Soviet Affairs. July–September 2009.* Vol. 25, N 3. P. 257–281.

⁷⁵ Цит. по: *Ивкина Л.А.* Десятилетняя война за независимость на Кубе (1868–1878). М.: Наука, 2007. С. 15.

Кроме того, непризнанные политические образования по определению не могут получить единодушное одобрение в мире (иначе они не остались бы непризнанными). Например, Косово можно рассматривать как альтернативную демократию, но оценка этого частично признанного государства как либеральной демократии едва ли разделяется Сербией и сербским населением Косово. В этом и других случаях не исключено, что демократия предназначена скорее для «наружного употребления» и по сути оказывается имитационной. Поэтому кажется более точным сформулировать правило отторжения (по Э. Бергу и Р. Тоомла, бойкота) непризнанного государства на основе негативной оценки его институтов.

Третье правило трансформации непризнанного политического образования в суверенное государство можно сформулировать как негативное «правило непризнания преступника»: нет или крайне мало шансов на международное признание у «ненастоящих» и «плохих» политических образований, которые рассматриваются в мире как реальные или предполагаемые гнезда транснациональной преступности и очаги международного терроризма. Этот подход нашел отражение и в международном праве. Например, непризнание Республики Сербской со стороны США не имело значения для организации процесса над Р. Караджичем, поскольку соблюдение прав человека рассматривалось судьями как обязательное и для признанных, и для непризнанных государств.

Отличить «плохое» или «ненастоящее» непризнанное государство от «хорошего» нелегко. По мнению Д.Г. Николаева, пытавшегося создать четкое определение непризнанного государства, «если рассматривать непризнанное государство только как некое государственное образование, созданное вследствие стремления отдельной нации к независимости, то вряд ли появится возможность отличить его, скажем, от пиратских республик, бандитских анклавов или микронаций. ...Бандитские анклавы могут создавать свою символику и стремиться к государственности. Однако при этом Запад, например, не признавал независимость Ичкерии ни в один из периодов ее существования. Микронации, или виртуальные государства, которых насчитывается больше тысячи во всех частях света, в этом случае также вполне могут претендовать на статус непризнанных государств. <...>

Зачастую цель создания независимого государства только декларируется (например, полубандитскими вооруженными формированиями в Черной Африке), но не существует в действительности...».⁷⁶

Вероятно, оценка непризнанного государства как «бандитского анклава» или формы жизнедеятельности «полубандитских вооруженных формирова-

⁷⁶ Николаев Д.Г. Указ. соч. С. 28, 31.

ний» определяется в данной статье и в некоторых других работах не столько научным анализом, сколько текущими политическими обстоятельствами.

Разумеется, обвинения в укрывательстве террористов и криминальном характере режима часто исходят от суверенных государств, утративших часть территории и населения в результате создания новых политических образований, и от тех, кто поддерживает такие «материнские государства». Например, как полагает научный сотрудник Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН А.И. Филимонова, «так называемая Республика Косово создавалась при активном содействии экстремистских банд и групп при поддержке внешних акторов. <...> Косово, безусловно, не может обладать правосубъектностью, поскольку у этого образования, в которое вливают миллиарды долларов, нет собственной системы власти (она подменяется клановой структурой), нет системы управления (она подменяется «внешним управляющим»), нет экономики (она подменяется наркотрафиком и финансовыми вливаниями стран ЕС и США). Косово — протекторат США–ЕС».⁷⁷

Такие обвинения могут иметь под собой реальную основу. Однако они не принимаются во внимание прочими акторами мировой политики, если возникает право международного сообщества на гуманитарное вмешательство (см. **второе правило трансформации**).

В современных условиях развитие новых технологий открывает перспективы для относительно благополучного существования подобных образований, в том числе и виртуальных. И все же «плохое» непризнанное государство намного более уязвимо по сравнению с менее криминальными политическими образованиями. Независимо от срока его существования такому «преступному» (и уже поэтому непризнанному) государству постоянно угрожает риск выхода из «серой зоны» не в сторону суверенизации, а в направлении полной ликвидации, чаще всего военным путем, при явной или скрытой поддержке мирового сообщества.

По пути к светлому европейско-малайскому средневековью?

Непризнанное государство, не соблюдающее перечисленные выше правила, вовсе не обречено на гибель. В «серой зоне» между суверенными государствами и негосударственными политическими образованиями или организациями можно выжить и не процветая. В крайнем случае непризнанное государство и его правительство можно буквально заархивировать на отдельно взятом компьютере. Нельзя не согласиться с А.Г. Большаковым,

⁷⁷ См.: *Ашавский Б.М., Ананьева Е.В.* Указ. соч. С. 58.

когда он пишет: «Глобализация создала дополнительные возможности для длительного существования непризнанных государств, без их формального признания другими странами. Это постепенно становится нормой».⁷⁸

Фактически в этом случае политическая ситуация возвращается к тем уже отдаленным местам и временам, когда ни одного харизматика местного масштаба не беспокоило право наций на самоопределение.

Непризнанные политические образования и тогда могли иметь признаки государства — властную вертикаль, судебную-правовую систему (даже если, с точки зрения чужестранца, такое право выглядело как дичайший произвол), карательный аппарат, подконтрольную территорию и население (как минимум одну деревню или группу кочевников). Ликвидировать подобные «незаконные» государственные образования не всегда удавалось, иногда было проще их оставить в покое, а часто и заплатить, только бы не досаждали грабежами или охотой за головами. Так было и относительно недавно в некоторых владениях Британской империи и на окраинах Российской империи.

В различных регионах мира формы существования политических организмов выглядели совершенно по-разному. Например, в доколониальной Африке южнее Сахары суверенитет государства, как правило, был вовсе неизвестен, либо о нем что-то слышали исламские ученые. В Китае и культурно близких к нему странах суверенное государство было реальностью, но оно могло быть только одно, «срединное» (т.е. китайское, по крайней мере в идеале). Фактическая самостоятельность соседних стран и народов, по видимому, прекрасно сочеталась с почтением к идеальному моноцентризму, или, как теперь принято говорить, однополярному миру.

Наиболее близкое к современной «серой зоне» состояние было представлено в тех регионах, где могли сосуществовать относительно равноправные государства, неподконтрольные им внешние территории без явных признаков государственности и внутренние непризнанные государства и «ненужные» пустыни (леса, горы...). Такие регионы — это, прежде всего, католическая Европа эпохи средневековья и островная Юго-Восточная Азия до колонизации.

Светлое поствестфальское будущее Европы, Азии и Африки, а также государств-продуктов деколонизации **XX в. в других регионах мира**, скорее всего, принадлежит как суверенным государствам и объединениям государств наподобие нынешнего Европейского союза или более имперского типа, так и непризнанным государствам, упомянутым выше криминальным анклавам, депрессивным территориям, оседлым и кочующим (в том числе в виртуальном мире) микронациям.

⁷⁸ *Большаков А.Г.* Указ. соч. С. 3.

Николай Добронравин

Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики:
основы выживания и правила суверенизации

Препринт М-21/11

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 18.01.11
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышение квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**